

АРТУР АНДРЕЕВИЧ ПРОКОПЧУК

**ПОЛОЦК — ЛІТВА —
RZECZPOSPOLITA —
БЕЛАРУСЬ**

**ЭТО НАШЕ, ЗДЕСЬ
МЫ БЕЛАРУСЫ**

КНИГА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОЛЛАЖ

Артур Андреевич Прокопчук
Полоцк – Літва – Rzeczpospolita
– Беларусь. Это наше, здесь
мы беларусы. Книга вторая.
Исторический коллаж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29606680
ISBN 9785449037374

Аннотация

История Великого княжества Литовского (ВКЛ) в цитатах и портретах современников. Становление государства, взлеты (золотой век) и падение княжества. Развитие высокой культуры, ее выдающиеся представители и их достижения в XVI – XVIII веках. Катастрофы и войны, разделы княжества, исчезновение государства. Борьба нации за самостоятельность, три революции, поглощение княжества Российской империей. Литва-Беларусь в эмиграции. Возрождение национальной идеи.

Содержание

100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСВЯЩАЕТСЯ	5
Часть III	6
Великое княжество становится государством, Статуты ВКЛ	6
Зодчество, искусства Литвы-Беларуси в эпоху «Возрождения»: от «Готики» до «Барокко»	52
Реформация в ВКЛ, «золотой век» Литвы- Беларуси	96
Конец ознакомительного фрагмента.	204

**Полоцк – Літва –
Rzeczpospolita – Беларусь.**

**Это наше, здесь мы
беларусы. Книга вторая
Исторический коллаж**

**Артур Андреевич
Прокопчук**

© Артур Андреевич Прокопчук, 2018

ISBN 978-5-4490-3737-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

КНИГА ВТОРАЯ

Часть III

XVI -XVII века

Великое княжество становится государством, Статуты ВКЛ

Подходил к концу XVI век, так называемый, «золотой век» в развитии Великого Княжества Литовского (ВКЛ), век становления нации «литвинов», будущих «беларусов», век поисков и находок новых культурных и религиозных ориентиров, век развития литературы, искусства, зодчества, философских открытий. Успешно были решены вопросы реальных основ государственности княжества, разработаны, начиная с «Судебника» Казимира IV, основные документы, позволившие выйти ВКЛ на один уровень и взаимодействовать с передовыми государствами центральной Европы. Трудami и воинскими подвигами выдающихся деятелей своего времени, представителями знатных родов Радзивиллов, Сапег, Воловичей, Хадкевичей, Кишек и многих других, была консолидирована огромная автономная держава, пытающаяся вырваться из федерации Речи Посполитой (Rzeczpospolita), из «дружеских объятий» Польши, после многочисленных «уний». Были созданы лучшими умами Литвы-Беларуси,

а потом и напечатаны, ПЕРВЫЕ в средневековой Европе, «феодальные конституции» – Статуты Великого Княжества, последний из которых (Статут 1588 года) закрепил «разделение властей» – судебную, законодательную и исполнительную.

Судебная власть опиралась на «Судебник Казимира» (1468) и «Трибуналь» (1586), а в Статутах было окончательно сформулированы основные положения законодательной деятельности автономных государственных органов. Древняя исполнительная власть в Литве-Беларуси, оформленная «паветовыми» (в пер. с бел. яз. – земскими, областными) грамотами, была упорядочена «писаными» законами, которые вошли в «Статуты».

Статут 1588 года был напечатан на старобеларуском языке в «друкарне» (типографии) братьев Мамоничей, в Вильне, и распространён по всей территории ВКЛ, а позже и во всей Речи Посполитой (Rzeczpospolita) /

Претерпел реорганизацию и древний законодательный орган ВКЛ, так называемая «Рада», совет представителей, сословный орган местных землевладельцев-бояр, составленный в прошлые века из высших чинов великокняжеской верхушки, вместе с православными иерархами, входившими в ближайшее окружение удельных властей. С участием «Рады» князь решал вопросы законодательства, управления, пожалования земельных владений, отношений с церковью, а иногда и внешней политики. Боярская «Рада» при-

шла на смену «вече», древнейшему представительному органу многочисленных городов ВКЛ и стала к концу XV века непрерывно действующим органом власти.

После подписания Кревской (1386), Городельской (1413) и других уний (Виленско-Радомская 1401г., Гродненская 1432 г., Краковско-Виленская 1499г., Мельницкая 1501г., Люблинская 1569 г.), начинается «глубокое воздействие более развитой польской культуры и сословно-представительных властей Польши на привилегированные слои ВКЛ, причем „шляхта“ ВКЛ („бояре“, крупные землевладельцы, великокняжеское окружение) была заинтересована в этом воздействии. С другой стороны, более авторитарная власть Великих князей ВКЛ, наследственном владении Ягеллонов, придавала большую устойчивость „Унии“, и, в какой-то мере, самой Польше. Почти все короли Польши с конца XIV века первоначально избирались в ВКЛ, становились Великими князьями, а уже потом были избраны на королевский престол» [1].

Придерживающийся передовых взглядов, находящийся, кроме того, под давлением сильного магнатского окружения, король Польши, Казимир IV издал в 1454 году «Привилеи» (Нешавские статуты), по которым Польша превращалась в «монархическую республику», где власть короля, была значительно ограничена «Сеймом». В Польском королев-

стве возникла, так называемая «шляхетская демократия». Королю была нужна прямая поддержка магнатов, шляхты, во вновь возобновившейся борьбе с Тевтонским орденом, так и не разбитом окончательно и до конца в Грюнвальдском сражении 1410 года. Большие уступки «шляхте» были сделаны королём, чтобы обеспечить поддержку в этом военном противостоянии, в войне, возобновившейся и затянувшейся на тринадцать лет (1454—1467).

В Великом Княжестве Литовском получили развитие свои, внутренние процессы формирования общественной мысли, усилилось давнее, со времен Кревской унии (1386), религиозное противостояние в обществе, православной его части и ново окрещенной католической. Из Европы подули свежие ветры Реформации, на земли ВКЛ (Литвы-Беларуси) стали проникать и успешно действовать миссионеры-протестанты, лютеране, кальвинисты, тесня православную и католическую сферы влияния. Пытаясь смягчить напряжение, нередко доходившее до кровавых столкновений между адептами разных конфессий, король Сигизмунд II Август 7 июня 1563 года подписал «Привилей» об уравнивании в правах православных и католиков (текст «Привилея» был включен в Статут Великого княжества Литовского 1566 года).

Конечно, двусмысленность положения Великого княжества в составе Речи Посполитой не могла не тревожить об-

щество, особенно его высший, образованный слой, который пытался найти «модус вивенди» в общей политике федерации, согласовать свои действия с решениями «Уний», первая из которых, Кревская (1385 год), «личная», (династическая), внешне выглядела весьма благопристойно и, вроде бы, касалась только «личных отношений» князя Ягайло с молодой «королевной» Польши, гарантируя ему королевский престол.

Войско ВКЛ, законодательство и судебная система, а также казна (включая денежную эмиссию), оставались в ведении Великого князя, не нарушалась и граница между двумя государствами, автономия княжества была сохранена. Даже в таком масштабном событии XV века, как Грюнвальдское сражение (1410 год), обеими армиями братья, правители двух государств, командовали отдельно. Великий князь Витовт, со стороны Великого княжества, возглавлял 40 «хоругвей» Литвы (Беларуси), а его брат, король Польши Владислав-Ягайло, возглавил «свои», 51 «хоругвь», со стороны королевства.

Но было одно, особое обстоятельство, нарушившее в свое время религиозный и политический баланс в княжестве, большая часть населения которого держалась за свою древнюю языческую «веру», уживавшуюся с православием, сохраняла свой язык и письменность. Великий князь Ягайло, подписав Кревскую унию, в качестве короля Польши, принял на себя обязательства – перевести все делопроизвод-

ство, древнейшую письменность Беларуси (Литвы), с кириллицы на латинский алфавит и обратить всех своих подданных – литвин (беларусов) в католичество. Ягайло делал ставку на западный мир, на просвещенную Европу, которой следовала быстро развивающаяся Польша, уже имеющая свой Сейм, практически парламент. Выбор был не в пользу московско-ордынского уклада жизни, восточной тоталитарной модели политического строя, азиатской модели общественного и семейного устройства. Виленское православие тоже шло своим путём, не следуя образцам московской церкви.

Великому князю Ягайло оставалось лишь принять в это сложнейшее, в политическом смысле, время единственно правильное решение – союз с «Польской короной».

Князь Витебский, Великий князь Литвы, внук Гедимина, сын крещеного язычника, Великого князя Ольгерда и православной княгини Юлианы Тверской, литвин Ягайло, вступив в брак с польской «королевной» Ядвигой, крещеный под именем Владислав, стал родоначальником католической династии польских королей – Ягеллонов.

Итак, было положено начало «униям», первая состоялась в Крево (1386), в родовом уделе князя Ягайло Ольгердовичем, отстаивавшего интересы всего Великого княжества. Ему надо было торопиться, внешнеполитические обстоятельства развивались стремительно.

Откровенное предательство интересов ВКЛ его собствен-

ным братом, полоцким князем Андреем Ольгердовичем, сговор князя Андрея с орденскими немцами и со Смоленским князем Святославом, были вовремя подавлены. Орденские войска были разбиты войском Витовта, ставшим наместником своего брата, короля Польши, Ягайло-Владислава в Великом княжестве. Войско смоленского князя Святослава было разгромлено под Мстиславом в начале 1386 года.

Выбор Ягайло в свое время оказался правильным, культурное развитие литвинской (беларуской) нации не прервалось, предопределив западное направление его развития на два последующих века и появление высоких культурных достижений так называемого «золотого века» ВКЛ.

Великому княжеству удалось сохранить на время полную автономию в рамках и второй, Городельской Унии (1429 год), и отражать регулярные нападения на границы «Литвы» с востока, со стороны Московского княжества, с 1517 году называвшего себя царством, и с юга, отбиваться от «крымчаков», от татарской Орды.

Однако, в то же время, начали складываться внутри Великого княжества «партии по интересам», в частности, религиозным, приведшие к столкновениям ВКЛ с союзной Польшей и внутренней, «гражданской войне» между сторонниками Свидригайло Ольгердовича, державших линию на православие, и сторонниками его брата, польского короля Владислава II, Ягайло Ольгердовича, давшего согласие на «ока-

толичивание» Литвы. Эти войны (Луцкая война 1431 года и гражданская война 1432—1440 г.г.) означали де-факто разрыв «Кревской унии», включение во внутренние разборки между братьями Ольгердовичами польских магнатов и польской армии. На время престол ВКЛ занял еще один брат Ягайло, его двоюродный брат Сигизмунд Кейстutowич (княжил в 1432—1440 г.г.), что только подогрело разгорающуюся междоусобицу внутри княжества.

Относительное затишье наступило только после убийства Великого князя Сигизмунда Кейстutowича в 1440 году в результате заговора, вступлении на великокняжеский престол Казимира и нового этапа объединения ВКЛ и Польской короны под началом Казимира, ставшего новым королем Польши и Великим князем литовским, получившим при крещении в католичество имя Владислава II Ягайло (время правления 1447—1492 г.г.).

В XVI веке, стала нарастать новая угроза – с востока, от Московского княжества, вскоре ставшего «царством». Об этом расскажем отдельно, сейчас же констатируем, что этот фактор не остановил развитие ВКЛ, которое продолжалось и давало ощутимые результаты в культурных, политических и общественных достижениях княжества. В частности, в окончательно оформленных к концу XVI века, Статутах Великого Княжества Литовского 1529-го, 1566-го и 1588-го годов, ПЕРВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ «феодальных КОНСТИ-

ТУЦИЯХ», как их называют некоторые исследователи, — законодательных актов, урегулировавших все основные формы общественного развития ВКЛ, и впервые в Европе заложившие основы разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Развивался далее и структурировался, по польскому образцу, бюрократический аппарат Великого княжества, в Раду стали входить наиболее богатые «паны», занимавшие высшие административные должности (маршалки, канцлеры, гетманы, подскарбии, наместники, воеводы, старосты, каштеляны), появились в Раде и католические епископы. Рада, созданная как совещательный орган при Великом князе, была юридически оформлена в 1413 году Городельской унией и существенно ограничила великокняжескую власть.

В XV столетии появляется новая героиня из Великого Княжества Литовского, Елена Васильевна Глинская (1508—1538).

Великая княгиня московская, дочь князя Василия Львовича, была из литвинской семьи князей Глинских, в 1526 году стала женой Великого князя Василия III Великого, внука Софьи Витовтовны, и родила ему двух сыновей, Юрия и Ивана, будущего «государя Всея Руси», Ивана «Грозного». Появились основания для налаживания добрососедских отношений с растущим московским княжеством. Эти надежды не оправдались.

Елена Глинская (ок.1508— 4 апреля 1538) жена московского великого князя Василия Ивановича, мать Ивана Грозного, регентша на время его малолетства

(реконструкция скульптурного портрета Елены Глинской выполнена С. Никитиным).

Как и многие другие правители России нерусского происхождения, образованная и дипломатичная, владеющая

многими языками, Елена Глинская вызывала антипатию у малопросвещенного окружения, у боярства, борющегося за власть. Однако, именно она заключила выгодный мир с польским королем Сигизмундом I и провела ПЕРВУЮ денежную реформу в Московском княжестве. По всей видимости, ее отравили претенденты на княжество бояре Шуйские, и она умерла 3 апреля 1538 года в возрасте 30 лет. Так закончила свое короткое управление ПЕРВАЯ после Великой киевской княгини Ольги, женщина-правительница русского княжества.

В структуре верхней власти московского княжества особых изменений не произошло. В это же самое время значительно изменилась организация управления ВКЛ.

В XVI веке Рада Великого княжества составлялась из «старейших панов-рады», к которым относились: епископ, воевода и каштелян виленский, воевода и каштелян трокский, староста жемайтский и некоторые должностные лица.

Возник, так называемый, «Вальный (всеобщий) Сейм», который приобрёл в XVI веке значение высшего законодательного и контрольного органа. На его заседания приглашались все «паны-рады», верхи католического и православного духовенства, а также по два депутата от шляхты каждого «павета» («области» бел. яз.). Быстро развивались древние города, многие из которых посылали своих представителей

в Сейм, внедрялось самоуправление на основе «магдебургского права».

«При выдаче подтверждающей грамоты жителям города Берестье (Брест) на магдебургское право в 1511 году, в Раде присутствовали: епископ виленский, князь Войтех Радзивилл, воевода виленский и канцлер Николай Радзивилл, воевода трокский и маршалок дворный Григорий Остикович, каштелян трокский и староста жемайтский Станислав Кезгайло, воевода полоцкий Станислав Глебович, староста городенский Станислав, воевода витебский, маршалок и секретарь Иван Сапега, маршалок и староста берестейский и лидский Юрий Ильинич, маршалок и наместник мельницкий, пан Иван Грималич и другие лица» [2].

На «вальных сеймах» обсуждались общегосударственные вопросы: законодательство, избрание великого князя, привилегии шляхты, государственные налоги, отношения с другими государствами. Вся работа сейма загодя планировалась «панамии-радой». Представители «паветов» подавали просьбы и жалобы, ответы на которые давал великий князь, посоветовавшись с «панамии-радой». Обязательно на Сейме обсуждалось избрание великого князя, объявление войны, установление податей на ведение войны. На Сейме принимались и законодательные акты. До XVI века Сеймы заседали поочередно в Вильне, Берестье (Брест), Новогрудке, Гародне (Гродно) и Менске.

Исполнительную власть в Великом Княжестве Литовском возглавлял «Канцлер», который хранил государственную печать и заведовал центральной канцелярией.

«Канцлер» руководил работой великокняжеской канцелярии, под его надзором осуществлялась подготовка законопроектов, «Привилеев», грамот и других документов. Он был хранителем государственного архива – «Литовской метрики». У канцлера хранилась большая государственная печать, без которой ни один закон не мог вступить в силу, «великая государственная печать» ВКЛ, поэтому канцлера называли, по-старобеларуски, «печатарем».

Вторым лицом (третьим после Великого князя) в княжестве был «Гетман», командующий войском княжества и, наконец, «Земский подскарбий», управлявший казной. Все они подчинялись непосредственно и только Великому князю.

«Подскарбий» надзирал за государственной казной, осуществлял контроль за всеми государственными доходами и расходами [3].

При дворе был также ряд более мелких должностей, имеющих скорее почетное, символическое значение – «маршалок дворный», «чашник», «стольник», «мечник», «конюший».

«Маршалок» вёл заседания Сейма и Рады, объявлял постановления Великого князя, надзирал за порядком при дво-

ре, руководил приёмом послов, допускал к князю просителей. Место «Чашника» сохранилось с «незапамятных времён», времен широких застолий древности, именно он имел право наливать вино в «чашу» Великого князя.

Сохраняли автономию некоторые удельные княжества и земли, как Витебское и Полоцкое, Клёцкое и Слуцкое, где неприкосновенность владений и прав местных «панов» и «местчан» (горожан) гарантировалась специальными великокняжескими «Привилеями» («гарантии» в пер. с бел. яз.). Такие «привилеи» выдавались тем беларуским землям, которые входили в состав Великого Княжества Литовского при сохранении своих автономных прав. Наиболее известные из них были: Витебские «привилеи» (1503, 1509, 1561 г.г.), Полоцкие (1547, 1580, 1634 гг.), Смоленская «привилея» (1505 г.), Мстиславская (1551 г.), Драгичинские (1511, 1547 гг.) [3].

По аналогии с территориальным делением Польши, в 1564 -1566 годах было введено новое административное деление в Великом княжестве, появились «Воеводства»: Берестейское, Брацлавское, Виленское, Витебское, Волынское, Киевское, Минское, Мстиславское, Новогрудское, Подляшское, Полоцкое и Троцкое. Статус, равный воеводскому, имело Жемайтское «староство» в Виленском воеводстве (территория современной Литовской республики), управ-

лявшееся «Старостами».

Главным должностным лицом всего «Воеводства», иногда называемого «Павет» (область, район – старобел. яз.), был «Воевода», возглавлявший административные, хозяйственные, военные и судебные органы на территории воеводства. Воевода назначался Великим князем и Радой пожизненно. Однако после его назначения «шляхта» могла потребовать его снятия. Основные обязанности Воеводы заключались в поддержании порядка, контроле за государственными, великокняжескими доходами, организации обороны, исполнении правосудия.

Помощником Воеводы был «Каштелян», командующий военными силами главного воеводства и военным ополчением, который как и воевода, входил в состав Рады и участвовал в Сеймах.

Войско княжества формировалось из «ополчений» удельных княжеств, из военно-служилого землевладельческого сословия, рядового «боярства», обязанного «конно и збройно» («зброя» – оружие, бел. яз.) нести военную, «земскую» службу. В состав ополчения входили также и крестьяне.

«Тоталитарно-ордынское», быстро растущее на востоке Московское княжество, его политический строй и азиатская форма общественного уклада не вызывали у Великих князей положительных эмоций. Они сделали свой выбор, и этот выбор оказался правильным, по крайней мере, на несколько

столетий обеспечил развитие Великого княжества в общеевропейском русле.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИТВИНСКОЙ (БЕЛАРУСКОЙ) НАЦИИ В XVI ВЕ- КЕ ПОШЛО ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ.

В этой связи следует отметить еще одно историческое событие, едва не прервавшее последовательное развитие Литвы-Беларуси (Великого Княжества Литовского). Это был очередной виток бесконечного и все нарастающего противостояния с Москвой, с быстро развивающимся, в основном в военном отношении, растущим и по размерам Московским княжеством. «Милитаризованное Московское государство, превосходящее по размерам ВКЛ, нарастило военную силу в монголо-татарские времена. Когда иго свергли, оно бросило всю свою военную массу на Запад, а потом на Сибирь – как когда-то испанцы, после окончания Реконкисты, – на Америку...

Для ВКЛ нашествие такой массы москвитов было неожиданностью. С середины XV века то и дело из-за восточной границы появлялась московская армия и несла разорение. И невозможно было ее остановить. А под Оршей удалось не просто остановить, а уничтожить. Это была яркая победа среди страшной полосы поражений» [116].

Оршанская битва, 8 сентября 1514 года (автор неизв.)

Оршанская битва 1514 года, через 100 лет после сражения при Грюнвальде (1410) дала такой же патриотический подъем, сказавшийся на всей жизни Великого Княжества Литовского, обеспечила мирное развитие нации еще на полтора столетия, до следующих трагических событий, до «неизвестной войны» (1655—1667), до следующего нашествия на земли Литвы-Беларуси московских полчищ.

**Герой Оршанской битвы, Великий гетман ВКЛ,
князь Константин Острожский
(1460 – 11 сентября 1530, Туров)**

XVI век называют «золотым веком» в истории ВКЛ, хотя у приверженцев тоталитарных моделей устройства государства сам термин «золотой век» вызывает раздражение. Я, не желая полемизировать на эту тему, хочу лишь рассказать и, по возможности, показать достижения новой, складывавшейся нации «литвинов-беларусов». Привести свидетельства современников, тех, кто закладывал основы культурного роста ВКЛ в ту пору, кто участвовал в развитии самосознания общества. Найти примеры необычайного роста городов и расцвета столичной Вильны со времени подписания Кревской унии. Показать на каком сложном фоне шло непрерывное развитие княжества-государства.

Коронование Великого князя литовского Казимира в 1440 году, ставшего королем Казимиром IV Ягеллоном (1427—1492), привело к довольно устойчивому и относительно спокойному правлению конфедерацией, которое длилось 47 лет и которое заложило основу несомненного процветания ВКЛ в XV-ом и в первой половине XVI-го века.

Дальнейшее развитие отношений с Польшей, консолидация совместных усилий в отстаивании внешнеполитических интересов, привело в 1569 году на «Вальном сейме», созванном в Люблине, к образованию единого федеративного государства. Была подписана Люблинская уния, объединившая ВКЛ и «Корону», и создано сильное федеративное го-

сударство, Реч Посполита («Общее дело» в пер. с польск. яз., «Республика народов»), с населением около 8 миллионов человек. В Литве-Беларуси (вместе с Жамойтией) в это время проживало около 4-х миллионов жителей, сохранялось равновесие, численный баланс народов двух стран.

Великое Княжество Литовское и Польская корона, после многолетних мучительных переговоров и политического торга, объединились, хотя каждая из сторон искала в этом союзе свои выгоды.

Великое княжество уступало Польше, по Люблинской унии, земли Волыни и Подляшья, перед лицом вражеского нашествия с запада – Ливонского ордена, и натиска с востока – Московского государства. Объединенная армия нового федеративного государства, казалось, могла надежнее противостоять чужеземным войскам.

Важно отметить, что в европейской истории добровольное и мирное объединение государств было совершенно беспрецедентным актом. Речь Посполита, как государственная (федеративная) структура, на полтысячелетия опередила развитие подобных межгосударственных связей, стала ПЕРВЫМ государством в Европе подобного типа.

Объединению двух государств предшествовала в ВКЛ длительная работа по созданию собственных законодательных положений, позволивших сохранять длительное время

автономию в составе федерации. Следует отметить, в этой связи, роль канцлера ВКЛ Альбрехта Гаштольда в создании первого «Статута ВКЛ» (1529), законодательно закрепившего автономию княжества. Проект статута был начертан Великим канцлером Николаем Николаевичем Радзивиллом (латинское имя которого дополнялось – *amor Poloniae* 1470—1521).

Собираемые документы, отражённый ими правовой порядок, легли в основу ПЕРВОГО Статута ВКЛ. После смерти канцлера Радзивилла в 1522 году (возможно, сейм был созван не в последнюю очередь именно поэтому) король Зигмунд (Сигизмунд) II Август официально одобрил приоритетную работу над сводом законов (Статутом) как национальную задачу. После Николая Николаевича Радзивилла во главе этого колоссального труда становится следующий канцлер Великого Княжества Литовского – Альбрехт Гаштольд.

«Хотя черновая версия была подготовлена Николаем Николаевичем Радзивиллом уже к году его смерти (1522), работа над сводом законов затянулась до 1529 года, когда он был представлен на утверждение Сейма в Вильно в том же году, и получил одобрение. Как только он был утвержден и подписан великим князем и королём Зигмундом (Сигизмундом) Августом, он вступил в силу, как единый свод законов государства для всех сословий и руководство для исполнительной власти, судей и чиновников Великого княжества Литов-

ского...» [5].

Альбрехт Гаштольд (ок.1487 – 1539) вошёл в историю, как реформатор государственной канцелярии ВКЛ и главный редактор Первого Статута ВКЛ (1529). Он опекал Франциска Скарыну (видимо, привлек его к редактированию Статута) и, будучи богатейшим магнатом ВКЛ, был, поочередно, новогрудским наместником и воеводой, полоцким и трокским, подчашим Литвы, виленским воеводой и, наконец, Великим канцлером ВКЛ.

В стороне от внимания историков оказался важнейший документ эпохи, изученный В. Антиповым (Минск, 2012), «Устав (Устав) земли Жмудской (Жемайтской), утвержденный грамотой Короля Сигизмунда I-ого (20 января 1529 года)», опередивший на несколько месяцев появление первого устава ВКЛ 1529 года. (Выписка из Метрики Литовск., Тома 7 и 34).

«Сигизмунд Божьей милостью Король Польский и Великий Князь Литовский, Русский, Прусский, Жемайтский, Мазовецкий и иных.

Этим Нашим документы делаем настоящее дело потому, что Мы, видя Великая угнетение и утяжеление жизни подданным наших от старосты Жемайтских и от судей земли Жемайтской, которую они угнетали многими и тяжелыми работами и непомерными податями, а наездами своими делали от них для себя корысть, от чего наши подданные той

земли Жемайтской очень горюют и Многие из некотором своих мест разошлись и земли Многие опустели.

А поэтому Мы, Желая наше государево милосердие над теми подданными нашими проявить, некоторые волости выделив, землю Жемайтскую отдали во владение и в правлении старостой Жемайтскому, пану Станислав Станиславовичу [Кезгайло], согласна изначального давнего обычае, по который он Имеет право там дела делать и править. То есть в привилегии Наше разабраць записали, как Нам видится, к Нашему доброму, к лучшему Полезная земских делу в той земле Жемайтской.

И в двор и волостях Наших Жемайтских так сделать, и плату Нам государю, и урядникам Нашим дворовым и судью волостей Жемайтских установили ласковая и с уважением людей Наших, Который из дворов и волостей Жемайтских, и взяли Их под свою защиту и в подданство Наше и д. потомки Наши.

А именно в первую очередь следующее:
двор Вилкея с пашнями и со всеми людьми;
двор Велена с пашнями и со всеми людьми;
двор Склорстемон с пашнями и со всеми людьми;
двор Ясвоини с пашнями и со всеми людьми;
волость Ойрагона с городом и местными платами и со всеми людьми;
волость Ретоко с городом и со всеми людьми;
волость Кондынка со всеми людьми;

волость Кершево со всеми людьми;
волость Поюрие со всеми людьми;
волость Шовды со всеми людьми;
волость Ретово с городом и со всеми людьми;
волость Тверь со всеми людьми;
волость Телми со всеми людьми;
волость Ужвента со всеми людьми;
волость Вешване со всеми людьми;
волость Биржыляны со всеми людьми;
волость Двурьяны со всеми людьми;
волость Биржаны со всеми людьми.»

(«Вестник Западной России» за 1864—1865 год, книга 4, отдел 1, №5. Документ к истории Самогитии (Жмуди). Устав (Устав) земли Жмудского, утвержденный грамотой Короля Сигизмунда 1-ого в 1529 году

<http://belhist.ru/2012/12/ustav-zhemajtii-1529-goda-kem-kogda-dlja-kogo-i-na/>)

Уже первая, «Кревская уния» с Польшей (1385 г.) сразу же создала ряд противоречий в сословных и экономических отношениях двух государств. Стремление сохранить автономию и независимость Великого Княжества Литовского вынуждало разработать новые законы и правила «сосуществования» двух, а если быть точным, то трёх народов, при вхождении в ВКЛ жамойтов (совр. литовцев) в 1412 году.

«Потребовалась кодификация и классификация всех тра-

дий, законов и привилегий, вопрос о чём был поднят на Виленском сейме 1522 года. Но ещё раньше задача собрать в один сборник все прежние „привилеи“ и указы стояла перед Николаем Николаевичем Радзивиллом. При нём государственная (великокняжеская) канцелярия в Вильне начала собирать по всем землям, городам, имениям и поместьям, замкам, крепостям и местечкам княжеские, королевские и наместнические указы, привилеи, грамоты, купчие, завещания...» [5].

XVI век был наиболее благоприятным для развития ВКЛ, хотя уже появилась и стала нарастать новая угроза с востока, от Московского княжества, ставшего к этому времени «царством». Об этом расскажем отдельно, сейчас же констатируем, что этот фактор не остановил развитие ВКЛ, которое продолжалось и давало ощутимые результаты в культурных, политических и общественных достижениях княжества. В частности, в доведенных до совершенства и, окончательно оформленных к концу XVI века, СТАТУТАХ Великого Княжества Литовского 1529-го, 1566-го и 1588-го годов.

«В истории феодального права Беларуси, Литвы и Украины первоочередное значение имеет Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Он был ПЕРВЫМ в Европе сводом законов в котором содержались нормы конституционного, административного, брачно-семейного, гражданского,

земельного, уголовного, судебно-процессуального и других отраслей права.

Создатели Статута 1529 года, в числе которых исследователи считают также и великого белоруса-литвина, Франциска Скарину, решили целый ряд сложных теоретических и практических проблем: разработали новую систему и структуру размещения правовых норм, включили в него наиболее типовые и обобщенные нормы, ввели ряд новых правовых норм, в которых были отражены экономические и социально-политические отношения того времени» [4].

Второй Статут Великого княжества Литовского (1566) действовал на территории Беларуси и Литвы до 1588 года, а на правобережной Украине и в XVII – XVIII веках, получив название «Волынского Статута». Известны его переводы на латинский и польский языки.

К концу 1584 года была закончена работа над новым Статутом, который не включил положения актов Люблинской унии 1569 года, поэтому Польша не допустила его утверждения на общем сейме Речи Посполитой. Статут вступил в законную силу только в 1588 году.

Первое его печатное издание на старобеларуском языке появилось в 1588 году, в Вильно. Следующие несколько изданий были осуществлены в переводе на польский язык. В 1811 году появилось уникальное издание: в Санкт-Петербурге текст Статута напечатали параллельно на двух языках:

на польском и русском. Законы Статута в польский версии действовали в Беларуси в XVIII веке, и потеряли свою силу только в 1840 году.

«Статут очень точно определял связность национальной правовой системы как продукт местных традиций, религии (христианство разного толка), культуры и социального развития, которые выработали свою уникальную (восточноевропейскую) систему ценностей, в нём было чётко оговорено, что свидетелями на судах не могут быть ни евреи, ни татары». [5].

Самые первые статьи Статута ВКЛ провозглашали равенство всех перед законом, «презумпцию невиновности», права и обязанности граждан, а также полностью отвергали и даже запрещали заочное обвинение.

Кроме «Статутов», законодательных актов Великого княжества, повсеместно вводилось «магдебургское право» («саксонское зеркало»), особое управление в отдельных городах ВКЛ. Появились, так называемые, «вольные города», в Литве – Беларуси таких городов к XVI веку было более 30-ти, управлялись они выборными органами и «Войтом». Город по этому «праву» уплачивал в казну ВКЛ годовой налог и освобождался от всех других повинностей. Налог, например, с Гродно и Минска был установлен в размере 100 коп («копа» была равноценна примерно 250 гр. серебра). Таким образом, город «откупался» от посягательств феода-

ла, на чьей земле он был расположен.

В соответствии с «привилеем», пожалованным королевой Боной в 1540 году, главе города, «Войту» разрешалось иметь собственную печать. Так, например, на печати гродненского войта 1565 года (наиболее ранняя из известных) изображен бегущий благородный олень с крестом между рогами, так называемый, олень святого Губерта.

В средневековой Европе святой Губерт считался покровителем охотников, и эта эмблема не случайно стала Гродненским гербом. Охота была одним из основных занятий жителей Гродно, расположенного в непосредственной близости к огромным лесным массивам – Гродненской и Беловежской пушам.

Город Гродно (1568 год)

(Гравюра с изображением Гродно – копия с гравюры М. Цюндта 1568 г. по рисунку Ганса Адельгаузера из Gallery <http://old.grodno.net/index.php/>)

«На гравюре – Гродно во время приготовлений к Люблинской унии. На первом плане маршал Валович приветствует посольство царя Ивана Грозного. Вдали открывается панорама города. Ее нарисовал в июле 1568 года очевидец, Ганс Адельгаузер, а Матвей Цюндт (1498—1572) перенёс в форму гравюры.

В правом верхнем углу гравюры дан объяснительный

текст:

«Истинное изображение города Гродно в Литве. Там его польское королевское величество держало сейм и туда же приехали нижепоименованные посольства, во-первых, Великого князя Московского, в числе 1200 человек, очень великолепно одетых, потом посольство Турецкое, Татарское и Валахское, и были приняты в поле особыми на то назначенными от вышеупомянутого короского величества ами, каждое посольство в особом месте... А что тут нарисовано, то произошло в июле 1567 г. Нарисовано Гансом Адельгаузером, а потом награвировано в настоящем своем виде Матвеем Цюндталь – гражданином Нюренбергским в 1568 г.».

Гравюра Гродно взята из «Атласа городов земного мира» Георга Брауна и Франса Хогенберга, и на этом средневековом документе следует остановиться отдельно.

«В XVI веке вышел в свет ПЕРВЫЙ в истории мировой картографии атлас городов – „Civitates Orbis Terrarum“ („Атлас городов земного мира“) Ф. Хогенберга и Г. Брауна. Шесть томов этого произведения создавались в течение 46 лет (1572—1617) и были опубликованы в Кёльне. В атласе представлены перспективные планы, создающие наглядные образы городов „с высоты птичьего полета“, удивительно красивые гравюры, выполненные по рисункам Г. Хуфнагеля, на которых изображены пейзажи, здания, фигуры людей в национальных костюмах, и планы, сделанные на ос-

нове геодезических съемок. В общей сложности „Civitates Orbis Terrarum“ составили 552 плана, гравированных на меди и раскрашенных акварелью» (Егоров Ю. А. Градостроительство Белоруссии. М., 1954: <http://www.harodnia.com>.)

Гродно, как крупнейший город ВКЛ, обладающий «магдебургским правом», размещенный на важных торговых путях, строил для иностранных купцов гостиные дворы. Такие же «дворы» появлялись и в других городах ВКЛ, в Полоцке, например, их было четыре.

Обязанности «вольных» городов были относительно небольшими. Фактически, они сводились к выплате пошлин в государственную казну (магистрат распределял его по всем мещанам), и в налогах на военные нужды. Можно сказать, что мещане городов с Магдебургским правом являлись привилегированной социальной прослойкой населения Литвы-Беларуси того времени.

В грамотах польских королей, которыми даровалось Магдебургское право отдельным городам, говорилось, что король отменяет:

«Все иные Права польские, литовские и русские и все иные обычаи, которые были бы несогласны с Правом немецким магдебургским» [6].

Город с «магдебургским правом» освобождался от власти воевод, панов, судей и подсудков, наместников и дру-

гих урядников; горожане не обязаны были отвечать перед ними в чем-либо, и кто бы на них не сослался. В городах устанавливался свой собственный суд. Жители городов были освобождены от обязанности нести воинскую повинность, являться на «посполитое решение». Мещане («местчане» – горожане от польск. «место, място» – город) так же освобождались от «толок» и от подворной повинности, приобретали право на свободную торговлю, право на значительную площадь земли вокруг города (например, Несвиж получил 100 валок, примерно 2100 гектаров), а также право на «вход» в «хозяйские» лесные просторы и воды (для выпаса животных, пользования дерева для строительства и отопления, охоты и рыбной). Они обязаны были поставлять только обоз для войска, средства и людей для ремонта княжеского замка.

Города получали право владеть поземельною собственностью, тогда как раньше этим правом пользовалось только «шляхетство».

К XVI веку получили магдебургское право многие города ВКЛ, отмечу, что почти все они находились и находятся до сих пор на территории Республики Беларусь (кроме Вильны): Брест (в 1390 г.), Гродно (в 1391 г.), Слуцк (1441 г.), Полоцк (1498 г.), Минск (1499 г.) и еще более двух десятков других городов Великого княжества.

К первой половине XVII века в ВКЛ (Беларуси), вместе

с городскими поселениями, насчитывалось 462 города [7].

Сформировав городское сословие, нарушив изолированность и замкнутость отдельных районов страны, города Литвы-Беларуси явились одной из предпосылок развития белорусской народности и ее культуры. Они подготовили почву для гуманистического и реформационного движения в Беларуси.

Тесные, часто родственные, связи с восточнославянским окружением, Тверским княжеством, Великим Новгородом, Смоленским княжеством, вовлеченных, тем или иным образом, в разное время, в государственную структуру ВКЛ, поголовно православное Полоцкое княжество, исповедовавшее, так называемую, «русскую веру», нашли отражение в формуле Статутов, в официальном названии государства, которое приобрело, наконец, окончательный вид – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское (будем далее для краткости именовать его ВКЛ).

Статуты ВКЛ 1529, 1566 годов, сеймовые решения, изменения в этническом и конфессиональном составе Рады, административная и судебная реформы (Казимира IV) закрепили превращение привилегированного сословия княжества в единое сообщество, включающее представителей разных этносов Великого княжества, получивших общее «литвины».

Принятию первого Статута (1529 год) предшествовала

быстрое развитие идей протестанства в этой среде, поиски новых форм общественной мысли, в том числе и религиозной, наконец, появление новой философии жизни.

Великие философы и гуманисты своего времени, «литвины-беларусы», Франциск Скарына («литвин из Полоцка»), Сымон Будны, Василь Тяпинский, поддержанные высокообразованной великокняжеской элитой, активно способствовали проведению новых европейских идей в ВКЛ.

«8 апреля 1563 года Сымон Будны направил из Клёцка в Цюрих письмо к швейцарскому теологу-кальвинисту Генриху Булингеру, в котором привёл сведения о начале реформационного движения в Великом Княжестве Литовском. Будны писал, что после того, как **«святло слова Божага зазьзяла ў Нямецчыне, Швайцарыі, Ангельшчыне ды Францыі»**, в скором времени оно достигло **«нашых краёў ды азарыла канцлера нашага Мікалая Радзівіла, князя на Алыцы й Нясвіжы»**. Он не только **«разам са сваім дваром прыняў вучэньне Хрыста, але і вырашыў, што ўсе людзі, якія знаходзяцца пад яго ўладай, павінны быць асьвечаны гэтым вучэньнем»**

(«свет Божий засиял у немцев, в Швецарии, Англии. Франции... достиг нашего края и озарил канцлера нашего Николая Радзивилла... он вместе со своим двором принял учение Христа и решил, что все люди, которые находятся под его властью, должны принять это учение» (перевод с бел. яз. авт.) [8].

«Реформацию в ВКЛ поддержали не только Микалай (Николай) Радзивил „Чорны“ и его семья, но и значительная часть белоруской и литовской аристократии, „панства“ и „шляхты“. Протестантами, евангелистами-реформаторами, горячими сторонниками Реформации были такие выдающиеся общественные деятели, как Астафий Валович, Лев Сапега, Микалай Монвид-Дарагастайский и другие, которые сыграли решающую роль в государственной политической, религиозной, культурной жизни ВКЛ (в Беларуси XVI-го начала XVII столетия). Сочувствовал Реформации и киевский воевода, лидер православной партии, князь Астрожский» [там же].

Поиски новых смыслов, горячие диспуты между сторонниками разных ответвлений христианства, несомненная забота о будущем своей родины, двигали этими равнодушными личностями, часто заставляли их входить в противоречие с традиционными взглядами, менять мнения своих сторонников и свои взгляды, выбирать новых противников.

Эти, иногда диаметрально противоположные, взгляды средневековых полемистов, позволяют современным историком свободно трактовать смысл всей эпохи, культурные достижения реформаторского движения в ВКЛ, опровергать позитивные результаты этого движения, не замечая главного – во времена «золотого века» (оставляю в силе этот тер-

мин), вольно или нет, воспитывалось «национальное чувство» в белоруской (литвинской) среде. Разрозненное общество превращалось в гражданское, развивающаяся старобеларуская письменность «золотого века», дальнейшее развитие старобеларуского языка, создавали основу для единения нации перед лицом угрожающей опасности, главная из которых переместилась на восток. Наступало время тяжелых испытаний для всей Речи Посполитой и, особенно, для народов Великого княжества, для Литвы-Беларуси.

Однако дальнейшее развитие княжества-государства становилось необратимым, появлялись новые и новые выдающиеся личности, сделавшие свой, не оцененный до конца, вклад в историю ВКЛ, его культуру, его научные достижения.

Одним из ярких представителей белоруской (литвинской) передовой части общества был Астафий Валович (1520-1587), приверженец кальвинизма.

Так же, как Франциск Скорина, Астафий (Евстафий) Валович, получил образование в европейских университетах. Валович был одним из тех выдающихся деятелей ВКЛ, которые из католичества или православия переходили в протестантскую веру (кальвинизм), чтобы тем самым отмежеваться от православной Московии или католической Польши. Кроме того, именно кальвинизм, наиболее прогрессивное в то время течение религиозной Реформации, был сим-

волом просвещения и отхода от религиозного мракобесия.

Начавший свою карьеру секретарем виленского воеводы, Яна Глебовича, поучившийся несколько лет за границей, Валович, благодаря своему таланту привлек внимание короля Сигизмунда II Августа и стал его доверенным лицом. Он одним из первых, высокопоставленных деятелей ВКЛ (подканцлер литовский, маршалок дворный), вероятно, под влиянием Сымона Будного, перешел из православия в протестантство.

Валович создал свою «печатню» (типографию) в Несвиже, где был напечатан на старобеларуском языке в переводе Сымона Будного «Кетехисис» (1562).

Об этой книге Генрик Мерчинг, польский историк, писал, что «Катехизис» явился ПЕРВОЙ в мировой литературе попыткой всесторонней критики текстов Нового завета» [9].

Однако главным событием биографии Валовича стала работа в комиссии по подготовке второго Статута ВКЛ 1566 года. Было принято его предложение включить в Статут статью, в которой иностранцам запрещалось приобретать земли и занимать государственные должности в Великом Княжестве Литовском. Тем самым была закреплена законом автономия ВКЛ, что было очень важным моментом перед подписанием Люблинской унии, объединившей два государства в федерацию. Астафий Валович был ярым противником унии, составил союз против неё, вместе с князем Николаем Радзивиллом «Чёрным» и жемайтским старостой Григорием

Хадкевичем.

Сымон Будны посвятил Астафию Валовичу своё произведение – «Об оправдании грешного человека перед Богом» [9].

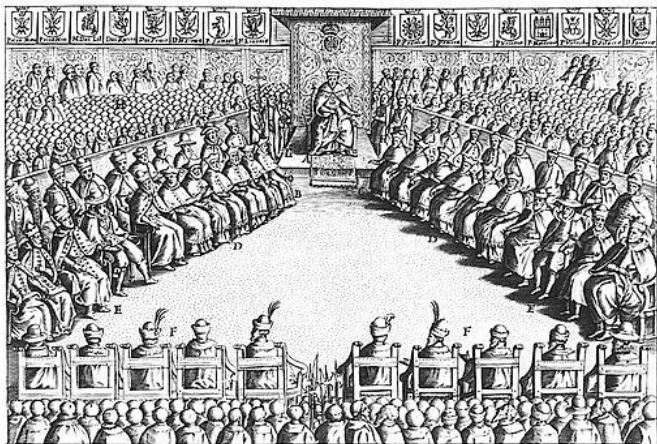
Еще одним адептом реформации в ВКЛ, сторонником кальвинистов, был Ян Абрамович, воевода минский и смоленский, представитель шляхетского рода Абрамовичей, герба «Ястребец». В своем имении он построил кальвинистский «збор» (протестантский храм, бел. яз. авт.), больницу и школу, которые просуществовали до середины XVII века. Не чуждый экономическим веяниям из Европы, он написал трактат «Мысли литвина о дешевой покупке зерна и дорогой его продаже» (1595) [10].

Идеи европейской Реформации достаточно свободно проникали на территорию Великого княжества, возникала конфронтация разных конфессий. Польшу и Великое княжество захлестнули европейские идеи Реформации, назревала необходимость привести в соответствие законодательство ВКЛ, разработать новый Статут княжества. на этом фоне приходилось вносить массу поправок в Статут ВКЛ 1566 года.

Реформация продвигала в сознание белорусского (литвинского), гражданского общества идеи веротерпимости, толерантности («памяркоўнасць» в бел. яз.). Эти идеи частично находили отражение во многих документах ВКЛ, таких как

«Привилеи» 1563, 1568 годов, статьи Варшавской конфедерации 1573 года, эти идеи прослеживаются уже в двух первых Статутах ВКЛ (1529, 1566 г.г.). Назрела острая необходимость в изменении некоторых положений Статутов.

Статут ВКЛ 1588 года был утвержден на Варшавском Элекционном и на коронационном Сейме 1588 года. На Коронационном Сейме 1588 года Великое княжество было представлено 27 Сенаторскими местами (каждое Сенаторское место – это закрепленная за этим местом высокая должность в ВКЛ), среди которых были – 2 Епископа (Виленский и Жемайтский), 9 воевод (Виленский, Троковский, Смоленский, Полоцкий, Новогрудский, Витебский, Берестейский, Мстиславский и Минский), Староста Жемайтский, 10 каштелянов (9 Воеводств и 10-й Жемайтский) и 5 высших должностных лиц (Маршалок земский, Канцлер, Подканцлер, Подскарбий земский и Маршалок дворный) [12].

A. Sacra Regia Maiestas. B. Archiepiscopus Gnieński Primas Regni. C. Archiepiscopus Leopoldus. D. Episcopi Senatores. E. Palatini, Castellani, Senatores. F. Magistratus et Officiales Regni et Magni Ducatus Lithuaniae. Senatores. G. Officiales Curiae Aulicae et Secretarii RSM. H. Nobiles Regni et Mag. Duc. Lith.
Giacomo Lauro sculp. 1622. Roma in Principibus Summi Pontificis

Заседание Сейма Речи Посполитой с королём Сигизмундом III Вазой гравюра 1622 года Giacomo Lauro,

На первом плане автор гравюры, являясь одним из приглашенных участников заседаний Сейма, поместил «сидящих в креслах» Сенаторов – «Magistratus et Officiales Regni et Magni Ducatus Lithuaniae, Senatores». Видно, что великокняжеские представители из Литвы занимали достойное место в этом «объединённом парламенте», с одной стороны, и громадное количество всех остальных, посланников, послов и других представителей федеративного государства Речи Посполитой.

«Статут 1588 года создавался на новых принципах, при-
сущих переходной эпохе от средневековья к новому време-
ни и зарождению буржуазных отношений. Это проявилось,
прежде всего, в ограничении власти „господаря“ и стрем-
лении к разделу властей; в провозглашении необходимости
придерживаться государственного суверенитета и в юриди-
ческом закреплении единства права для всего государства,
всех полноправных людей. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ
закреплялась за сеймом, ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ – за Вели-
ким князем и Радой, СУДЕБНАЯ – за Великокняжескими
и главными судами, а так же за местными» [3].

Статут 1588 года завершил кодификацию права в Вели-
ком Княжестве Литовском. В этом законодательном акте
были отражены государственно-правовые идеи того време-
ни, кроме того в нем проявлялась богатая правовая культу-
ра белорусского (литвинского) народа. Статут был напечатан
на старобеларуском языке в типографии Мамоничей в Виль-
но, на собственные средства («власным накладом», как было
напечатано не его странице, бел. яз.) канцлера Льва Сапеги.

Статут 1588 года издавался на польском языке в 1614 го-
ду, в 1811 году – на русском и польском языках в Санкт-Пе-
тербурге. Этот свод законов был использован при кодифи-
кации прусского права, а также при подготовке «Соборного
уложения» 1649 года в России. В XVII веке Статут был пе-
реведен на немецкий язык, переводился на украинский язык

и оставался основным источником права на Украине до XIX века.

В новом Статуте ВКЛ 1588 года появилась статья

«Аб вольнасях шляхецкіх і аб пашырэнні Вялікага Княства Літоўскага» (Раздел III артыкул 3), которая излагала требование о сохранении мира между всеми религиями (**«А таксама прывілеем і прысягай нашай вырашаны мір паміж рознымі рэлігіямі сцерагчы»**, – бел. яз.) [11].

В Статуте Великого Княжества Литовского 1588 года была сохранена структура предыдущего статута. Он состоял из 14 разделов и 480 статей.

Главное значение Статута 1588 года заключалось в том, что он юридически закрепил суверенные права и обособленность Великого Княжества Литовского от Польши, после заключения объединительной Люблинской унии в 1569 году и тем самым утвердил конфедеративный строй нового государства – Речи Посполитой.

СТАТУТ ВКЛ 1588 года и «Слудкий пояс»

(фото из Belarus-Minsk-Maksim Bahdanovich Museum 3.jpg в be-x-old.wikipedia.org, автор Jauhienij)

В итоге, к концу XVI века, Литва и Польша имели раздельные парламенты-сеймы, Польша – «вальный» Сейм, Литва – боярскую «Раду», собственные армии, государственные органы и канцелярии, княжескую и коронную (королевскую), налоговые органы, казну, судебные и таможенные органы, и многое другое.

В Великом княжестве стал действовать свой, отличный от польского, свод законов – Статут Литовский 1588 года, кроме того был создан архив Государственных Актов, так называемые – «Литовские Метрики». Все записи, все акты Великого княжества обязаны были излагаться на «старобеларуском» языке, **«родной мове»** литвинов-беларусов. Государственная канцелярия, Канцлеры Литвы приобретали неограниченную власть в княжестве. Понимая важность административной переписки в княжестве, Великий князь Миколай Радзивилл (Великий канцлер с 1492 года по 1509 год) перенес всю государственную документацию, весь канцелярский архив, в свою Несвижскую резиденцию, в родовой замок.

город Несвиж, замок Радзивиллов

Канцлер Великий литовский являлся фактически вторым должностным лицом в Великом Княжестве Литовском после Великого князя. Во времена совмещения должностей Польского Короля и Великого Князя Литовского одним лицом Канцлер Великий Литовский становился фактически первым лицом в ВКЛ [7].

Автономия ВКЛ препятствовала польским магнатам осуществить контроль над ресурсами княжества, что заставило их искать новые средства воздействия на управление княжеством.

Хотя все три «Статута Великого Княжества Литовского» (1529, 1566 и 1588 гг.) были написаны на старобеларус-

ком, работали «друкарни» (типографии) печатавшие на старобеларуском языке книги, наступило время вытеснения этого языка из государственного обращения и ограничения в правах беларуской шляхты. Заключительный акт трагедии был оформлен «Постановлением Конфедерации Сословий Речи Посполитой» (1696 год), запрещавшим делопроизводство на беларуском языке. Дальнейшее развитие событий, борьба за ресурсы ВКЛ, в новом конфедеративном государстве привели к тому, что в 1697 году Сейм Речи Посполитой принимает Закон о государственном статусе польского языка в Великом Княжестве Литовском.

Приходилось «соответствовать» времени, наступала «полонизация» края.

Весь XVII век был ареной борьбы «литвинов» (беларусов), большей части населения Великого княжества, за свои права, в широком смысле – за государственную автономию, за свой язык, «родную мову». Вмешались в поступательное развитие княжества внешнеполитические события, такие как «Неизвестная война» 1655—1667 года, но эта тема требует отдельного, особого рассмотрения.

Король СИГИЗМУНД III «Ваза»
на титульном листе Статута ВКЛ 1588 года (гравюра в первом издании)

Зодчество, искусства Литвы- Беларуси в эпоху «Возрождения»: от «Готики» до «Барокко»

Зодчество Литвы – Беларуси («дойлідства» в бел. яз.) с XVI века, «золотого века», переживало бурный расцвет, благодаря значительным финансовым вкладам великокняжеских семей, королевского окружения, самого короля.

Интенсивное строительство храмов поддерживалось конкуренцией между отдельными ветвями христианства. По неполной описи, только католических костёлов, возникших к XVII-ому веку, насчитывается в современной Беларуси около 700 [41].

«Обострение религиозно-политической борьбы в первой половине XVII века, соперничество между униатами, католиками и православными вело в сфере культового строительства к использованию наиболее выразительных архитектурных средств барокко и синтезу их с местными строительными приемами. Как результат на протяжении XVII – XVIII веков сформировалась своеобразная архитектурно-художественная система белорусского барокко, основной базой для развития которого явилась культовая архитектура» [42].

Зодчество Беларуси (ВКЛ) «Золотого века» развивалось

не на пустом месте, корни его находятся в глубоком средневековье.

Первый известный, летописный, восточнославянский зодчий – монах Иоанн, возвел в Полоцке небольшой собор Спасо-Преображенского монастыря.

Спасо-Преображенский монастырь был основан «повеле-нием» святой княгини Евфросинии Полоцкой в 1125 году, когда она поселилась возле Преображенского храма в Сельце. Со временем здесь были пострижены в монашество сестры преподобной Евфросинии: родная сестра Евдокия (в миру Гордислава) и двоюродная Евпраксия (в миру Звенислава) – единственная дочь полоцкого князя Бориса Всеслави-ча. В 1161 году усердием св. Евфросинии преподобной был воздвигнут каменный Спасо-Преображенский храм, наилучшим образом сохранившийся памятник древне-полоцкого зодчества. Его строителем был зодчий Иоанн. С 1580 года монастырь (и храм) были отданы иезуитам. В 1820 году иезуиты были изгнаны из Полоцка и монастырь перешел в российскую казну («Спасо-Ефросиниевский монастырь», Википедия.

Спасо-Преображенская церковь Полоцк, Беларусь, 1161 год

«Беларусь находится на духовной границе Восточной и Западной Европы, на разломе их культур и религий, что, естественно, сказалось на специфике белорусского зодчества. Первые города на территории Беларуси возникли в период раннего средневековья. Древнейшие из них – Полоцк и Витебск. В XI веке в Полоцке возведён первый крестово-купольный православный Софийский собор (1030—1060), который положил начало белорусскому монументальному искусству» [43].

Каложская (Борисоглебская) церковь XII век Гродненская обл. Беларусь

Собор Успения Богородицы (Пречистой Божьей Матери) стоит на месте православной церкви, которую в XIV веке основала Ульяна Тверская – вторая жена Великого князя Ольгерда, мать Великого князя Ягайлы, здесь она и похоронена.

Собор Успения Богородицы в Вильне (основан в 1346 году) Вильнюс, Литовская республика

«Борьба за статус Православия в Речи Посполитой шла с переменным успехом. В 1509 году Виленский Собор старался добиться предоставления Православной Церкви в Литве большей самостоятельности; судебные привилегии русского духовенства были подтверждены грамотами князя Александра в 1499 году и короля Сигизмунда I («Старого») в 1511 году.

В 1522 году гродненский сейм запретил православным за-

нимать высшие должности в государстве. Митрополит Онисифор («Девочка») исходатайствовал у Стефана Батория грамоту, утверждавшую права и суды Православной Церкви, а у Сигизмунда III – грамоту на церковные имения. Вскоре затем, долго подготавливаемое дело упразднения Православия в Речи Посполитой выразилось в 1596 году в Брестской унии, расколовшей ряды православной иерархии.

С отпадением митрополита Михаила (Рогозы), принявшего в 1596 году Брестскую (церковную) унию, православная Киевская митрополия в ВКЛ пресеклась...» [44].

Однако на территории Великого Княжества Литовского до конца XVI века практически соблюдалось формальное равенство прав церквей и любых национальностей.

Ишкольдский костёл Пресвятой Троицы, «Бернардинский» (1472)

Ишкольд, Барановичский р-н, Брестской обл. Беларусь,

Самый старый, сохранившийся в своем первоизданном облике, действующий костёл Беларуси, находится в деревне Ишкольд и занимает особое место в ряду памятников готической архитектуры. Освящен по завершении строительства в 1472 году. Построен старостой «витебским, смоленским и любельским» Николаем Немировичем. В 1-ой половине XVI века при князе Николае Радзивилле Черном костел стал кальвинистским «збором». В 1641 году восстановлено католическое богослужение. Во время войны России с Речью Посполитой 1654—67 гг. храм поврежден. В 1868 году костел, как и сотни других католических храмов, был приспособлен под православную церковь. В 1918 году возвращен католикам. В 1969 году закрыт. В 1970-е гг. отреставрирован и возвращен верующим [41].

**Костёл св. Франциска Ксаверия (Фарный костёл)
кафедральный собор Гродненского диоцеза, осно-
ван в 1678 Гродно Беларусь**

В 1585 году король «Речи Посполитой» Стефан Баторий пожертвовал иезуитам имение Кундин и с ним 10 000 «злотых». Это стало началом роста богатства ордена на территории Великого княжества. Имущество ордена постоянно увеличивалось пожертвованиями самых крупных феодалов ВКЛ: «мечник» ВКЛ Х. Халецки подарил ордену имение Гаростав и «фольварк» Калбасин, член ордена Е. Дзевялтовский – Щупеню. В строительстве костела и прилегающих к нему зданий ордена приняли участие Самуил и Констан-

ция Лозовы, ставшими основателями («фундаторами» бел. яз.) каменного костёла, освещенного во имя святого Франциска Ксаверия в 1707 году. На освящении храма присутствовал король Август II и российский царь Петр I [41].

Позиции двух государств сближались ввиду агрессивного шведского натиска на них.

У августейших особ двух государств сложились в то время доверительные отношения, связанные с включением России в «Северный союз», который был создан курфюрстом Саксонии и польским королём Августом II, объявившими войну Швеции в 1700 году. Началась Великая Северная война, которая длилась 20 лет, с 1700 по 1721 годы, за обладание Прибалтикой. В «Союз» входило и Датско-Норвежское королевство, возглавляемое королём Христианом V.

Именно, после победы над Шведской империей, возникла Российская империя с могучей армией и флотом, столицей которой стал Санкт-Петербург, а Россия укрепилась на берегах Балтийского моря.

В комплекс зданий Иезуитского ордена в Гродно входили, кроме костела, «коллегиум» (построен в 1677—1683 гг.), здание библиотеки (1709 г.), «друкарня» (типография), аптека (1687 год), жилые корпуса, хозяйственные здания — мастерские, конюшни и т.д). Коллегиум имел два отделения: для пятилетней учебы в младших классах и трехлет-

ние для старших. Здесь обучали «семи свободным искусстваам»: грамматике, риторике, диалектике, арифметике, геометрии, астрономии, музыке. Кроме того, преподавались богословие, латинский и греческий языки. Обучение было бесплатным. С 1667 года все преподаватели коллегиума должны были иметь звание «профессора». Среди выпускников «коллегиума» был беларуский астроном и просветитель М. Пачобут-Адленицкий [41].

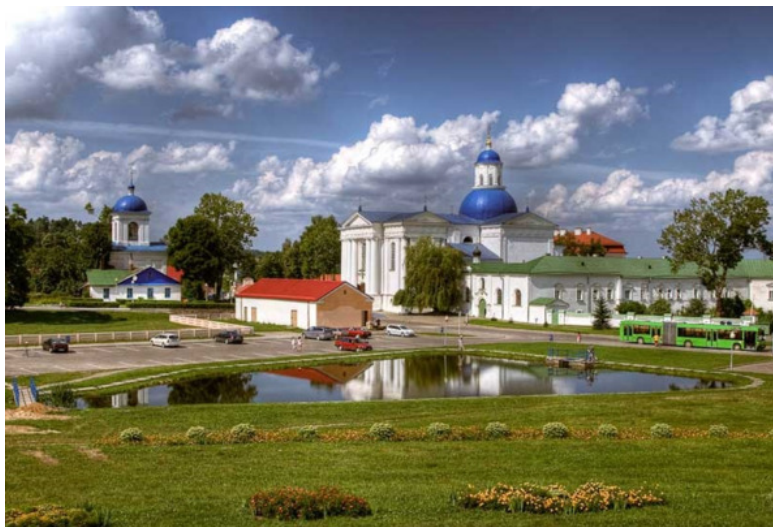
В этом костёле в 1794 году были приведены к присяге императрице Екатерине II-ой, новому государству, в которое вошли земли ВКЛ, всё католическое население Гродно.

Костёл является выдающимся памятником архитектуры и декоративно-монументального искусства эпохи барокко и рококо. Высокохудожественный ансамбль интерьера костёла формируют 13 алтарей, 2 чугунные жирандоли, 4 исповедальни, украшенные резьбой по дереву и скульптурами, амвон (памятник А. Тызенгаузу) и орган, выкупленный в Крулевце (совр. Калининград).

Доминантой декоративно-художественного ансамбля интерьера является трех-ярусный главный алтарь высотой в 21 метр, работы «обер-мастера» Яна Шмита из Рашеля (исполнены работы в 1736—1737 гг.).

В первом ярусе поставлены 10 скульптур апостолов, 4 отцов церкви, св. Самуил и Констанция («фундаторы»). Во втором ярусе – статуя Христа. Венчает эту многосложную

композицию 5-ти метровая статуя «Глории», перед которой склоняют головы 4 аллегорические фигуры сторон света. Затраты на исполнение алтаря были сделаны мужем и женой Мстиславскими [41].

Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь Слонимский район, Беларусь,

Монастырь впервые упоминается в документах 1587 года

Я специально включил эту фотографию в список иллюстраций, потому что там «оживал» после ранения в Первой мировой войне мой отец, Прокопчук Андрей Яковле-

вич. В этом монастыре, где был временно размещен военный лазарет, началась его медицинская деятельность в качестве фельдшера, отсюда он пошёл своим сложным путём, прежде, чем стать академиком, специалистом в области дерматологии с мировым именем, отсюда его дорога прошла через Санкт Петербург, Царское Село, Москву, Московский университет, Париж, Сорбонну и Минск...

В самом центре села Камаи, на бывшей торговой площади, стоит основанный бывшим владельцем Камаев, Яном Рудамином-Дусяцким в 1603 году готический костёл, со следами ренессанса, – памятник былым временам, с толщиной стен до 2-х метров, предназначенный для обороны от врагов,, выстоявший и «северную войну» со Швецией. С того времени остались в стенах храма застрявшие при его обстреле пушечные ядра [41].

Камайский костел Св. Иоанна Крестителя (1603 – 1606г.)
**село Камаи, Витебская обл., Поставский р-н, Бела-
русь**

Известно, что первоначально на перекрёстке дорог се-

ла Камаи был установлен огромный, двухметровый валун. Из него не позднее XV века вытесали крест, который стоит напротив костёла и сейчас. Изъеденный временем, или покрытый непонятными надписями, этот крест является своего рода символом Камаев.

Этот храм – один из немногих на территории Беларуси, который никогда не был закрыт. Уже это, учитывая его солидный возраст – 400 лет, делает храм уникальным. Даже при коммунистах костел действовал благодаря хорошему отношению властей к местному ксендзу Булько, который во время войны спас от немцев известного партизана.

Кармелитский костёл Успения Божьей Матери (1614 год) г. Мстислав, Могилевская обл., Беларусь

Один из самых древних архитектурных памятников города Мстислава, созданный в стиле «виленского барокко». Внутреннее пространство костела украшают лепка и фрески. Уникальность внутреннего оформления в том, что это единственный на территории Беларуси храм, где фрески отражают не только библейские, но и светские сюжеты. Главное украшение собора – сохранившиеся волшебным образом уникальные фрески XVII века. Сохранилось около 20 композиций, например, «Взятие Мстислава московским войском в 1654 году» – начало, так называемой, «Неизвестной войны», войны Великого Княжества Литовского с Московским царством (1654—1667 гг.), иллюстрирующие события «Трубецкой резни», когда в «мясорубку» войск князя Трубецкого попала половина населения города Мстиславля.

На данный момент костел существует на пожертвования прихожан и паломников.

Среди памятников Мстиславского района выделяется Пустынский Успенский монастырь. Пустынский монастырь был основан в 1386 году князем Сименоном Лугвенем, одним из героев Грюнвальдского сражения 1410 года.

Пустынский монастырь г. Мстислав, Могилевская обл., Беларусь

«Мурованка» – церковь Рождества Богородицы (1516 – 1524г.) Щучинский район, Гродненская область, Беларусь,

Церковь «Мурованка» оборонительного типа, готическо-ренессансной архитектуры. Находится в деревне Муро-

ванка Щучинского района Гродненской области Беларуси. Построена на средства местного помещика Шимки. В церкви сохранились две мраморные плиты, вмурованные над склепом, на одной из надпись: «Наивеликшему и наймилейшему Богу. Посмертные останки Шимки- Лундзиловича, тут от 1884 года похованого, фундатор этой церкви Казимир Костровицкий, наследник, поставил ему этот в отреставрированной святыне. 1808 год».

На второй плите изображены воинские доспехи польско-литовского войска с надписью: «Навеликшему и наймилейшему Богу и в Его славу паставил в этой церкви на вечную память Казимир из Кострова Костровицкий, дедич в Можейкове Лидского повета и в Подолии Слонимского повета. Эту церкву он по-новому обновил и фундовал алтарь римского обряда для желудокских кармелитов. 1822 год» (Википедия).

Древнюю готику в архитектуре конца XVI века в ВКЛ сменили поочередно «барокко» и «ренессанс». Отдельная ветвь барочной архитектуры в XVI – XVII веках получила название «беларуского барокко».

Значительным достижением беларуского зодчества стало появление проектного чертежа. Впервые в восточнославянском культурном регионе он начал применяться на рубеже XVI – XVII вв. в связи с распространением «барокко».

Первая постройка в стиле «барокко» на территории Вели-

кого княжества – Костел Божьего Тела в Несвиже («Фарны костёл»).

Минская обл. Беларусь, архитектурный ансамбль раннего барокко, монастырь построен Яном Марией Бернадони. Прототипом его является римский Иль Джезу, сооруженный в 1584 г. зодчими Виньолой и Портой.

Костел Божьего Тела в Несвиже («Фарны костёл»).

Именно в нем находится некрополь всей семьи Радзивиллов. Здесь несколько столетий завершался жизненный круг князей Радзивиллов, здесь покоятся в 102 саркофагах тела представителей этого знатного рода.

Интенсивное строительство храмов поддерживалось конкуренцией между отдельными ветвями христианства.

По неполной описи, только католических костёлов, возникших к XVII-ому веку, насчитывается в современной Беларуси около 700 [41].

«Обострение религиозно-политической борьбы в первой половине XVII века, соперничество между протестантами, униатами, католиками и православными вело в сфере культового строительства к использованию наиболее выразительных архитектурных средств и синтезу их с местными строительными приемами. Как результат, на протяжении XVII – XVIII веков сформировалась своеобразная архитектурно-художественная система белорусского зодчества, основной базой для развития которого явилась культовая архитектура» [45,46].

Такие же процессы шли и в развитии художественных средств выражения в иконописи, в портретной живописи. В последнее время стали «извлекать» из запасников белорусских музеев шедевры средневекового творчества мастеров, портреты Великих князей, королей и их окружения, длительное время закрытые для современного зрителя.

«Национальный художественный музей Беларуси отметил 75-летие. За эти годы его собрание выросло до 30 с лишним тысяч экспонатов. Но, как и в любом музее мира, посетители могут видеть лишь небольшую часть его сокровищ. Она даже меньше десятой части. Икона «Покров Богоматери», написанная в 1751 году,

находится в постоянной экспозиции музея.

«К нам она поступила из Молодечно в 70-е годы, когда шла очередная волна борьбы с религией, – рассказывает заведующая отделом древнего белорусского искусства Художественного музея Елена Карпенко. – Тогда власти уже понимали, что победить религию невозможно, поэтому храмы оставляли только в крупных населенных пунктах, а небольшие церкви закрывали. Эта икона была в достаточно плохом состоянии, реставраторам пришлось над ней потрудиться.

Но все старания стоили того, ведь икона совершенно уникальна.

Сюжет Покрова зародился в Византии в Константинополе. По легенде, во время нападения на город сарацин все жители города собрались в храме и молились об избавлении от напасти. Среди верующих находился Андрей Юродивый, или Андрей Блаженный, которому случилось видение: вверху над собравшимися появилась Богоматерь, которая простерла покров в знак своей защиты. Поэтому в этом сюжете всегда изображается Андрей Юродивый, который указывает на чудо своему ученику Епифанию. Внизу в центре стоит Роман Сладкопевец, который сочинял торжественные гимны в честь Богоматери. Он тоже указывает вытянутой рукой на Богоматерь.

Покров Богоматери

1 – Игнатий Завиша,

- 2 – Казимир Ягелончик,
- 3 – Сигизмунд III,
- 4 – Роман Сладкопевец,
- 5 – Андрей Юродивый (Фото: архив музея)

Это, так сказать, классический сюжет любой иконы «Покрова Богоматери». Но беларуские иконы всегда имеют свои характерные особенности.

– В нашей иконе Богоматерь показана как царица небесная в высокой короне. И фигура ее увеличена. Бывают иконы, где она очень маленькая, парит в небесах, – поясняет Елена Владиленовна. – А вот распахнутый плащ – это уже католическая традиция. И поскольку на иконе мы видим смешение католических и православных традиций, можно говорить, что «Покров Богоматери» – икона униатская, хотя вывозили ее из православного храма. Нашей национальной традицией является и богатый орнаментальный фон. Такой встречается в Беларуси и Украине.

И даже не это делает икону неповторимой. А то, что на ней изображены реальные исторические фигуры – Сигизмунда III, короля польского и Великого князя литовского, узнать просто, ведь сохранилось множество его портретов. Иконописец изобразил этого ярого католика, воина, победителя во множестве сражений Речи Посполитой против Московии в воинских латах XVI века и горностаевой мантии. За его спиной стоит Казимир Ягелончик, Великий князь литовский,

который был канонизирован и стал покровителем Литвы (отмечены на иконе цифрами).

Еще один персонаж, который выделяется из всех, – единственный, который смотрит не на Богоматерь, а прямо на зрителя, стоит в левом углу иконы в короне, напоминающей великокняжескую. Он одет в типичный шляхетский длинный красный жупан, на котором орденская лента Белого Орла, знак Белого Орла прикреплен на груди, и в руках гетманская булава. Беларуский исследователь Юрий Пискун первым предположил, что это Игнатий Завиша – представитель знатного шляхетского рода, маршалок ВКЛ. Недалеко от Молодечно, откуда родом икона, в Лядах, Завиша (на иконе – цифра 1) основал монастырь.

«Опознал» Игнатия Завишу ученый по портрету, который тоже выставлен в постоянной экспозиции Художественного музея Минска. Они висят в одном зале в новом корпусе. Достаточно сделать несколько шагов от иконы к «сарматскому портрету», чтобы убедиться в портретном сходстве: Завиша на портрете даже одет так же, как на иконе.

Игнатий Завиша – маршалок ВКЛ.

Такое введение исторических персонажей характерно только для Беларуси и Украины, в русской иконописи такого не встретишь, – говорит Елена Карпенко. – Украинские иконописцы еще в XVII веке изображали то Стефана Батория, то Богдана Хмельницкого, то Петра Первого. Это пример объединения религиозного и светского искусства, его близости к человеку» (Надежда Белохвостик, Комсомольская правда)

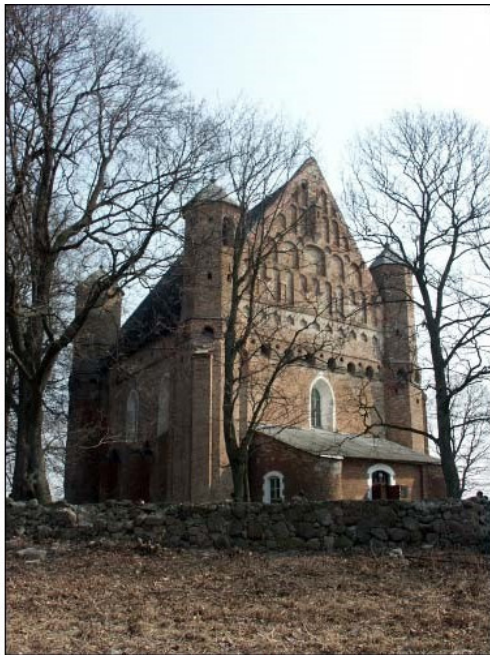
В XVI веке («золотой век») в Великом княжестве (Литва-Беларусь) возводились не только храмы, в городах зажиточные горожане строили жилые дома, «фланкированные по углам башнями»...

**Жилой дом Нонхартов (Начало 17 в.)
(село Гайтюнишки, Гродненская обл. Беларусь)**

На строительстве жилых домов сказывалось влияние крепостной архитектуры, необходимость строительства поясов городских укреплений, замков, оборонных храмов.

Характерным примером такого строительства является Сынковичская церковь Святого Михаила.

**Сынковичская церковь Святого Михаила (1407 год)
Зельвинский р-н, Гродненская обл. Беларусь**

По легенде, эта церковь основана Великим князем Витовтом в благодарность за чудесное спасение из плена у своего брата Ягайло (1382 год). Ягайло хитростью заманил брата Витовта и дядю, Великого князя Кестута, которого казнил.

В это же время в городах стали появляться ратуши, гости-

ные дворы, корчмы...

Торговые ряды в Пружанах (Беларусь)

«Подъем экономики и культуры, развитие демократических отношений в XV – XVI вв. способствовали принципиально новым процессам урбанизации. Их суть заключалась в создании новых или реконструкции старых городов на регулярных началах с организацией прямоугольной уличной сети. Подобная планировка, характерная для всей Западной и Центральной Европы, именуется готической и имеет сред-

невековое происхождение».

«К концу XVI века возникает так называемое „ренессансное градостроение“. Этому способствовали укрепившиеся после создания нового государства политические и культурные контакты с Западной Европой, религиозное идейное единство с Италией, а также строительство, с учетом достижений фортификационного зодчества, мощных городов-крепостей, необходимое в условиях военного противостояния другим государствам» [45, 46].

Не прекращались войны Великого княжества с Московским царством (1534—1537, 1609—1618, 1632—1634), Ливонская война (1558—1583), война Речи Посполитой со Швецией (1600—1629), и, наконец, самая опустошительная война, так называемая, «неизвестная война» с Москвой, длящаяся 13 лет (1654—1667 гг.). Войны истощали ресурсы страны, требовали восстановления разрушенных и строительство новых оборонительных сооружений, как частновладельческих, так и государственных укрепленных городов, поселений с замками, системами фортификации, укрепленных монастырей и храмов.

«Проникновению градостроительства из Европы эпохи Возрождения способствовало знакомство крупных феодалов, заказчиков возведения своих укрепленных резиденций, с достижениями передового европейского оборонительно-

го зодчества. В Несвиже закладка каменного замка и города-крепости при нем с бастионными системами фортификации была осуществлена приглашенным из Италии архитектором-иезуитом Джованни Мария Бернадони сразу после того, как в 1580—1581 годах крупнейший землевладелец Николай Христофор Радзивилл посетил эту страну.

Ренессансные черты архитектуры воплощены в планировке Быхова, Глуска, Мира, Несвижа, Полоцка» [47].

Барановичи, Католический костел «Воздвижения Св. Креста

Замок Радзивиллов в городе Мир (Беларусь)

Замок Радзивиллов в Несвиже (1583—1599) **Минская обл. Беларусь**

Инициатива возведения каменного замка в Несвиже принадлежит первому несвижскому «ординату», Николаю Христофору Радзивиллу «Сиротке» (1549 – 1616). Начало строительства относится к 1583 году. С 1586 по 1599 год руководителем работ по возведению замка был итальянский архитектор Ян Мария Бернардини.

Один из залов Несвижского дворца Радзивиллов

За время своего существования, замок выдержал осады русских войск в 1654 и 1659 годах, но в 1706 году был взят шведами, которые разрушили замковые постройки и бастионные укрепления. Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. замок неоднократно осаждали русские войска (1764, 1768, 1772, 1773, 1812 гг.).

Наибольшего расцвета несвижский замок, «несвижская ординация», достигла во время правления князя Михаила Казимира Радзивилла («Рыбанькі»)

и Кароля Станислава Радзивилла («Пане Каханку»). Здесь хранился архив Великого Княжества Литовского. Замковая библиотека к началу 1770 года насчитывала около 20 000 томов книг. Во второй половине XVIII века это была самая крупная частная библиотека на землях Речи Посполитой. В картинной галерее в 1770 году находилось 984 картины. Уникальными были коллекции оружия, нумизматики, многочисленные ценности нескольких замковых сокровищниц и др.

(Для сравнения – в библиотеке парижского университета, в Сорбонне в 1338 году, согласно каталогу, имелось 1720 книг, 300 из которых были прикованы цепями, чтобы их не украли).

В залах несвижского дворца был создан первый театр Великого княжества, начало которого лежит в народном театре с его обрядовыми песнями и танцами. Элементы театрального действия имелись во многих календарных и семейно-бытовых обрядах населения ВКЛ. Первыми актерами были скоморохи, выступления которых, насыщенные народными песнями, танцами, пословицами и поговорками, шутками и трюками, становились событием любого праздника. Позже, в XVII – XVIII веках, искусство скоморохов преобразовалось в «балаганы», искусство кукольных театров – в «вертепы». Иногда скоморохи выступали с медведями, дрессировавшихся в специальных школах, наиболее известной из которых была Сморгонская

медвежья академия (Сморгонь, Гродненская обл. Беларусь). Школа верёвочных прыгунов существовала в Семежеве близ Копыля (Копыль, Минская обл. Беларусь).

Широкую известность в этом столетии получил народный кукольный театр – «батлейка». Для выступлений батлейки использовалась своеобразная сцена, представляющая собой деревянную коробку в виде домика или церкви с горизонтальными перегородками, служившими отдельными ярусами-сценами. Сцена отделялась тканью, бумагой, геометрическими фигурами из тоненьких палочек и напоминала балкон, на котором происходило действие. Коробка закрывалась дверцами. Необходимость в многоярусном строении коробок отпала тогда, когда показы батлейки приобрели светский характер. Куклы-персонажи делались из дерева, цветной бумаги и ткани. Куклы крепились на стержень, при помощи которого батлеечник водил их по прорезям в ярусе-сцене. Известна и батлейка с марионетками на нитях, а также перчаточные куклы. Со временем изначально религиозный репертуар батлейки пополнился жизненным и фольклорным материалом, причём канонический сюжет разыгрывался на верхнем, светский — на нижнем ярусе-сцене. Наибольшей популярностью пользовался светский репертуар с комическими сценами, народными песнями и танцами.

Двухэтажная батлейка с подвижными куклами и танцами

**Полесье, города Мозырь, Бобруйск, Копоткевичи,
Березина**

В XVI – XVIII веках в православных академиях и братских школах, иезуитских, базилианских, пиарских и доминиканских коллегиях и школах, широко был представлен так называемый школьный театр, показывавший интермедии и драмы на библейские, а позднее и на исторические и бытовые сюжеты. Показ вёлся на латинском, польском и старобеларуском языках, в сценках использовались приёмы и сюжеты «батлейки». Актёрами были учащиеся, которых обучали сценическому искусству учителя риторики. Школьный театр имел свою разработанную поэтику с канонизированными средствами сценического движения, манерой исполнения, гримом и оформлением сценической

площадки. Сцена освещалась рампой, имела рисованный задник и объёмные декорации для сценических эффектов. Особенно часто спектакли проходили в учебных заведениях иезуитов, где школьному театру придавали особое значение как методу воспитания. (Великое княжество Литовское 4.5. Искусство <https://ru.wikipedia.org/wiki/>)

Музыкальное искусство Великого Княжества Литовского развивалось в рамках как народной, так и высокой культуры. Изначально наибольшее влияние имела церковная музыка, в XVII веке началось активное развитие светского музыкального искусства, появились частные оркестры и капеллы. Первый оперно-балетный театр европейского уровня появился в Несвиже в 1724 году [25]. Пьесы для театра писала жена Михаила Радзивилла – Франциска Урсула. В придворной капелле Карла Станислава Радзивилла служил капельмейстером известный немецкий композитор Ян Давид Голланд. В XVIII веке в театре ставились классические произведения зарубежных и местных авторов [31].

К XVIII веку относится зарождение профессионального театра в Великом княжестве Литовском. С 1740 года в Несвиже действовал любительский крепостной театр Радзивиллов, в котором ставились произведения Урсулы Радзивилл, в том числе переведённые и переделанные пьесы Мольера. В 1753—1762 годах князь Михаил Радзивилл «Рыбанька» придал Несвижскому театру профессиональный ха-

актер, действующий также как выездной. Большой популярностью пользовались опера и балет. Кроме Несвижа известные магнатские театры существовали в Слуцке, Гродно, Слониме, Шклове, Свислочи, Ружанах и Могилёве [31].

Особое развитие искусств Великого княжества связано с эпохой Реформации, с появлением здесь проповедников протестантизма из Европы, лютеран и кальвинистов из купцов и других сословий.

Первые лютеранские общины в Великом Княжестве Литовском – дворовые и городские – стали появляться в середине XVI века. Центром лютеранства стал город Вильно. Членами общин были немецкие купцы, поэтому среди народа и шляхты лютеранство популярностью не пользовалось.

Первая брестская протестантская церковь, основанная в 1553 году, имела собственную типографию, печатавшую как религиозные, так и светские книги. При церкви была открыта начальная школа, где молодые люди учились чтению и письму, а также основам веры [62].

Близ Бреста у села Домачёво обосновались две голландские колонии, образовавшие в 1564 году протестантские общины. Известно, что одну из минских протестантских общин в 1596 году организовал речицкий староста князь Ярош Жижемский, подарив ей дом с земельным участком. Сестра

Жижемского, Милослава, была замужем за кальвинистским теологом и писателем Андреем Воланом.

Сын Сигизмунда I Король и Великий князь литовский Сигизмунд II Август стал покровительствовать протестантам. Воспитывавшийся при дворе матери королевы Боны Сфорца, он подружился с духовником матери Франческо Лисманини, тайным приверженцем Реформации. Будущий король знакомился с сочинениями деятелей Реформации, даже отправлял Лисманини в Швейцарию покупать книги.

«Реформационная оппозиция православию в восточнославянских землях Речи Посполитой не была однородной. Наряду с течениями, типологически близкими лютеранству и кальвинизму, в ней большую роль сыграло антитринитарское направление.

По своей социальной сущности идейная оппозиция православной церкви была явлением глубоко прогрессивным. В религиозной форме она выражала социальный протест широких демократических слоев православного населения Речи Посполитой против официальной феодальной идеологии, выразителем и пропагандистом которой была православная церковь со своей многочисленной армией белого и черного духовенства. Этот идейный протест выражался не только социально-политическими идеями и требованиями, но и всем составом реформационно-религиозной идеологии, которая, отрицая учение официальной церкви, окружившей «феодальный строй ореолом божественной благодати»,

отрицала тем самым идеологию и культуру господствующего класса» [63].

В Новогрудском воеводстве проживало более 600 шляхетских фамилий; в православии остались только 16, остальные стали кальвинистами. К 1563 году в Великом княжестве Литовском было 195 православных храмов и около 50 монастырей. Католиков же к 1563 год оставалось всего около тысячи, в Жмудской епархии, например, из 700 костёлов работало всего 6. В кальвинизм перешли даже два иерарха католической церкви — епископ жемайтійский Ян Пяткевич и епископ киевского диоцеза Николай Пац. Кальвинизм становился доминирующей религией в княжестве. В 1565 году кальвинисты королевским Виленским привилеем были уравнены в правах с католиками и православными [63].

На Брестском соборе 1596 года католики, укоряя православных за союз с кальвинистами говорили:

«Вы имеете в них (протестантах) больших приятелей, которые у вас в новогрудском воеводстве опустошили 650 церквей».

В Великом княжестве Литовском антитринитарии нашли поддержку в 1558 году у крупного магната, старосты жмудского, Яна Кишки. Ян Кишка основывал арианские общины, открывал арианские школы, устраивал типографии (Лозка близ Ошмян, Любча близ Новогрудка, Заславль). Наиболее активную деятельность ариане развернули в Новогрудском

и Брестском воеводствах, хотя их общин было немного (Википедия).

«Реформационные проповеди отражали и усиливали процесс сближения восточнославянской и польской культур, расширяли контактную зону и способствовали синтезу западноевропейской и восточнославянской культурных традиций на землях Украины и Беларуси» [62].

Синтез культур, соприкосновение различных религиозных идеологий, порождали новые формы в искусстве пограничных княжеств и государств. В Великом княжестве интенсивно стало развиваться прикладное искусство, вызванное требованиями христианских обрядов разного направления. Истоки, например, знаменитой «беларуской рези», о которой выскажемся позже, можно найти в ранних работах мастеров Великого княжества. Искусствоведы на разные лады комментируют находки, вроде двусторонней иконы» Премудрость созда себе храм; Праздники», принадлежавшей пинскому князю Федору Ярославичу (1499—1522 г.) [64, 65].

Двусторонняя икона: Премудрость созда себе храм; Праздники. Мастер поп Анания. Около 1517 – 1525 гг. Дерево, резьба.

Икона выполнена по заказу пинского князя Федора Ивановича Ярославича.

Естественно, что этот раритет хранится в России, в Санкт-Петербурге в Государственном Русском музее.

Если бы не заметка в парижском сборнике 1847 года о деревянном образке из коллекции Бланжи, где было сказано о принадлежности образка князю Федору Ярославичу из Пинска (правил 1499—1522 г.г.), вряд ли граф Уваров обратил бы внимание на аналогичный образок в своей собственной коллекции. Но с его легкой руки эта икона уже бо-

лее 150 лет не дает покоя искусствоведам. Приведу выдержку из работы В. Пуцко по этому поводу:

«По левому и правому бортикам сторон рельефной иконы выполнен в технике обронной резьбы текст исторической надписи:

ДАНА БЫСТЬ КНЯЗЕМЪ ФЕДОРОМЪ ИВАНОВИЧЕ-
МЪ ЯРОСЛВИЧА // ФЕДОРОУ ИВАНОВИЧОУ ЩЕПИ-
НОУ РОБИЛЬ ПОПЪ АНАНИЯ.

Содержание ее явилось предметом тщательного анализа, в результате чего неопровержимо установлено, что заказчиком был князь Федор Иванович Ярославич, княживший в Пинске с 1499 года» [113].

Труднее оказалось идентифицировать упомянутого в надписи Федора Ивановича Щепина, происходившего то ли из ростовских, то ли из волынских князей: его поиски уперлись в глухой угол.

Н.Ф.Высоцкая обратила внимание на то, что князь Федор Ярославич был еще жив в 1525 году, когда королева Бона дала грамоту на подтверждение подаренных им дворщ живописцу Навошу. Если согласиться с фактом использования резчиком издания Франциска Скорины, то выполнение описываемой резной иконы надо ограничить 1517—1525 гг.» [64].

Автор работы, при попытке установить точную дату работы мастера (поп Ананий), ссылается еще и на архивный документ Российской империи – «Ревизия пущ и переходов

звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присо-
вокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на зем-
ли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Бог-
дановичем Воловичем в 1559 году с прибавлением дру-
гой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данной
дворянам и священникам Пинского повета, составленной
в 1554 году. Приготовлены к печати начальником Централь-
ного архива и его помощниками. Изданы Виленскою архео-
графическою комиссиею. Вильна, 1867. С. 257.»

Вот куда может завести история небольшого деревянно-
го образка, выполненного средневековым беларуским масте-
ром.

Обилие подобного материала, раритетов, вывезенных
российскими генералами (и не только генералами) и высо-
копоставленными чиновниками с территории «бывшего Ве-
ликого Княжества Литовского» за двести лет хозяйничания
Российской империи на чужих землях поражает воображе-
ние. Не поддается учету все, растащенное по различным
российским музеям и архивам, попавшее в частные коллек-
ции. Сегодня трудно отдать должное всему богатству, на-
копленному за 1000 лет созидания материальной культуры
на землях Великого княжества (ВКЛ) и Речи Посполитой,
куда в конечном счете вошло Великое княжество, государ-
ство литвинов (беларусов).

(Дополнительная информация о храмах на территории ВКЛ в работе КАТАЛІЦКІЯ КЛЯШТАРЫ XIV – XVIII СтСт. У МЕЖАХ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСІ Міцкевіч В. С. <http://www.kniger.by/.../katal-tskiya-klyashtary-xiv-xviii-st...>).

Реформация в ВКЛ, «золотой век» Литвы-Беларуси

Государственное строительство федеративного государства, Речи Посполитой, на первых порах, не препятствовало идеям Реформации, к тому же, при открытых границах нового государства, эти идеи проникали на земли ВКЛ и Польши многими путями. Например, торговые, а в прошлом и военные, связи с Чехией открывали путь проникновению реформаторских взглядов национального движения гуситов. Большое количество «шляхты», а потом и городского купечества, направлялось на учебу в Германию и Италию, и привозили оттуда новые представления о мире, новые книги и новые взгляды.

Ярким примером этому служит биография Франциска Скарыны, «литвина из Полоцка», сына полоцкого купца Луки, предвосхитившего реформационное движение в Великом княжестве, глубоко ознакомившегося с европейскими достижениями своего времени.

«Перевод «Библии» Скарыной, его философские воззре-

ния, стали основой для развития национального самосознания, культурного суверенитета беларусов (литвин). Эти взгляды были разработаны далее молодыми реформаторами, Сымонам Будным и Василём Цяпинским, в предисловиях к «Катэхізісу» и «Евангелию»...

«Издание «Катэхізіса» на родном, беларуском языке, к которому имели отношение, вместе с Сымонам Будным, Мацей Кавячынски и Лаврен (Лаўрэн, бел. яз.) Крышковски, явилось эпохальным событием в истории становления идеи беларуского национально-культурного суверенитета..."[8].

Дальнейшим развитием этих идей явилась полувековая работа над Статутами Великого Княжества.

«Участники комиссии по подготовке Статута 1566 года, Августин Ратундус и Пётр Райз, настаивали на замене беларуского языка латинским. Патриотически настроенные беларуские юристы, в частности, писарь великокняжеской канцелярии, кальвинист Валадкович, воспрепятствовали этому, его поддержал руководитель „статутовой комиссии“, канцлер Астафий Валович. Статут был опубликован на беларуском (старобеларуском) языке».

Употребление старобеларуского языка было ограничено территорией ВКЛ, но автономия княжества способствовала сохранению и развитию языка, требовала единого средства общения и управления государством, особенно в его письменной форме. Близость языков – старобеларуского и ста-

ропольского, позволяла легко встроиться различным институтам ВКЛ в общий процесс становления федеративного государства «двух народов». Старобеларуский язык стал вытеснять церковнославянский, на котором шли службы, исполнялась литургия в православных храмах, тем не менее, постоянно шло взаимное обогащение языков. Право исполнять церковные службы на родном языке символизировало право на все остальные культурные ценности. Культура, в первую очередь литература, становились национальными. Вместе с тем, старобеларуский язык стал приобретать новые, «польские» включения.

Так же, как в XV веке, польский язык претерпел сильное влияние чешского и, с основанием Пражского Эммаусского монастыря, стал, по свидетельству выдающегося польского историка Яна Длугоша, распространяться в Польше, так и старобеларуский язык веком позже подпал под влияние польского языка. Образовывались формы языкового «двуязычия», использование польского в высокообразованных кругах ВКЛ и общение «dwujęzykowa» («двуязычное», польск. яз.) в письме и в разговоре горожан. Переводчик «Лютерового катехизиса» Ян Малецки утверждал, что «не зная чешского, нельзя говорить на хорошем польском». Литературный обмен между славянами способствовал проникновению чешского в Хорватию и далее в Польшу и Великое Княжество Литовское. Этот процесс продолжался

до расчленения Польши и присоединения земель ВКЛ (а значит белорусского населения), к Российской империи. На переломе двух столетий, XVIII-го и XIX-го, стало особенно заметным воздействие «нового русского» языка на старобеларуский.

Выдающийся лингвист XX века, специалист по славянским языкам, в том числе и по языкам Великого Княжества Литовского, академик Вячеслав Иванов, так и не смог остановиться на каком-либо одном названии старобеларуского или староукраинского, между ними В. Иванов в своей классификации не делал различий, условно называя его то «западнорусским», то «рутенским» [15].

Впрочем, классик мировой лингвистики пришёл все-таки к окончательному выводу и сформулировал это следующим образом:

«Диалекты этого устного языка, представляющие собой раннюю форму западных восточнославянских диалектов – (старо) белорусского и/или (старо) украинского, использовались основной массой населения в повседневном общении и, вместе с элементами церковнославянского (преимущественно западнорусского извода) и польского языков, легли в основу главного письменного языка Великого Княжества Литовского, на котором, в частности, писались документы великокняжеской канцелярии» [там же].

Не будем противоречить классику, а приведем еще соображения других, в том числе и западных, специалистов в сфере лингвистики по поводу древнего белорусского языка и языка Статутов Великого княжества, который некоторыми лингвистами называется «канцелярским».

Читатель может опустить эти соображения, но язык, как ничто другое, стал основой культурного подъема, «Золотого века» Беларуси, и дал образцы для развития современного белорусского языка.

Если взглянуть на «Грамоту» Великого князя Витовта 1390 года, станет понятно, какой путь прошел древний общеславянский язык к современному белорускому языку через средневековый старобеларуский:

«Мы, Великій князь Витовтъ чинимъ знаемо симъ нашим листомъ,

кто на него узритъ или услышитъ чтучи. Досмотрели есмо того,

жаловалъ Князь Андрей Васи́ло на Свидригайла, а Свидригайло

жаловалъ на Андрея. И мы того досмотрили и раздѣлили того на

по́лы, что от Андреева села половина поля тянетъ, то есмо

повернули к Андрееву селу; а што отъ Свидригайловы земли

половина поля того, то есмо повернули Свидригайло-

Приведу с купюрами некоторые выдержки из работы А.И.Журавского, раз уж речь зашла о «канцелярите» старобеларуского языка [17].

«Анализ канцелярского языка Великого княжества Литовского провел в 30-х годах нашего столетия норвежский славист Х. Станг... Изучив язык грамот канцелярий Великого Княжества Литовского, исследователь пришел к выводу, что первоначально здесь существовало несколько типов актового языка, отличающихся друг от друга некоторыми, преимущественно орфографическими и грамматическими особенностями.

В северных областях Полоцка – Витебска – Смоленска употреблялась языковая форма, характеризующаяся «цоканьем», смешением е и і, связкой «есме» и некоторыми другими особенностями. Таких черт нет в документах, исходящих из канцелярии Витовта. Язык документов Витовта сближается с языком южных (украинских) канцелярий, но полностью не совпадает с ним.

Среди грамот короля Казимира южноволынский тип играет уже незначительную роль, большая часть его грамот принадлежит к северноволынскому или южнобелорусскому типу, но основное количество грамот этого времени происходит из белорусских областей, в которых «е» и «ять» совпадали во всех

позициях.

Во времена короля Александра канцелярский язык становится более стабильным, он достигает прочной, устойчивой формы, которая отражается и в других памятниках того времени.

Позже, при короле Сигизмунде Августе, южный тип актового языка исчезает полностью. Канцелярский язык Великого княжества Литовского в это время выступает как язык белорусский, который находится в наиболее близком отношении к белорусским говорам около Вильно. В этом языке постепенно растворился и полоцкий тип актового языка, который раньше выступал в виде самостоятельной формы. Установленная Х. Стангом 40 лет назад белорусская диалектная основа актового языка Великого Княжества Литовского не встретила возражения в лингвистической литературе и до настоящего времени остается последним словом науки по этому вопросу...

Следует отметить, что не только белорусская диалектная основа деловой письменности Великого княжества Литовского, но и принадлежность деловых памятников к литературному языку у белорусских языковедов никогда не вызывали сомнения.

Е. Ф. Карский, одним из первых, рассмотрев причину выступления в Западной Руси народного языка в роли литературного органа, показал, как постепенно на народной основе выработался язык, который с успехом употреблялся в государственных делах — грамотах, актах, статутах, в суде, этим языком пишутся

«западнорусские» летописи, хроники, жития святых, даже чисто светские беллетристические произведения. В последнее время за включение деловой письменности в круг источников истории литературного языка высказался и белорусский исследователь Л. М. Шакур, подробно изложивший историю этого вопроса в восточнославянском языкознании» [17].

В пользу заключения Карского можно привести еще несколько соображений, главным образом внешнего, лингвосоциологического порядка. Прежде всего, следует принять во внимание некоторые количественные показатели по основным жанрово-стилистическим разновидностям старо-белорусского письменного языка. Выступление белорусского языка в роли государственного в Великом Княжестве Литовском повлекло за собой появление разнообразных документов общегосударственного и местного значения, типа договорных, жалованных, клятвенных, купчих, меновых и присяжных грамот, политических и торговых договоров.

В середине XV века деловая письменность в Великом княжестве Литовском обогащается новыми жанрами в виде судебных книг, статуты и других юридических кодексов. С конца этого столетия в практику общественной жизни вошли так называемые земские книги – собрания официальных документов о дарованиях и продаже различных владений...

Созданные в конце XIV – начале XV века в великокня-

жеской канцелярии акты были основой большого исторического архива, известного под названием «Литовская метрика». В состав «метрики» входят разнообразные по форме и содержанию документы, выдававшиеся королями, сеймами и правительственными лицами или же поступавшие к ним от правительств зарубежных стран, от местных служебных и частных лиц. В полном своем виде метрика имела свыше 550 томов и содержала материалы XIV – XVIII вв., причем документы от XIV до начала XVII в. в большинстве написаны на белорусском языке, позднейшие – на польском и латинском (нет ни одного документа, написанного на литовском или близком ему языке).

«Эпохой расцвета деловой письменности на белорусском языке является XVI век. Здесь прежде всего следует указать статуты Великого княжества Литовского трех редакций – 1529, 1566 и 1588 гг., из которых последний был даже напечатан. На белорусском языке в это время писались декреты сеймов и главного литовского трибунала, акты копных, городских, земских и подкоморских судов, акты и приходно-расходные книги городских управ, магистратов и магдебургий, реестры, фундуши и инвентари имений, староств, фольварков и деревень, завещания, частные письма и другие документы» [17].

Чтобы ни говорили лингвисты, Кревская, да и все после-

дующие унии, способствовали «полонизации» Литвы-Беларуси, деформированию старобеларуского языка. «Полонизация» вначале проходила стихийно, ввиду значительных контактов местного, беларуского (литвинского) населения с польским, часто на основе заключающихся браков, особенно в «шляхетской» среде. Старобеларуский язык развивался, обогащался новыми формами, приобретал массу новых слов польского или немецкого происхождения. Почему только лингвисты, особенно русские, так сокрушаются по этому поводу – не вполне понятно. Хорошо образованному «беларусу» польская речь не режет ухо, а к немецким корням язык уже давно приспособился.

Позже этот процесс регулировался целенаправленной государственной политикой, в частности, проведением законов о государственных должностях ВКЛ. Кроме того, польский язык становился в XVI веке таким же отличием «благородства», «маркером аристократизма», особенно в великокняжеском окружении, каким станет через триста лет в России французский язык в салонах высшего общества. Пушкин сначала выучил французский и даже первые свои стихи писал на этом языке. Толстой целые абзацы своей «Войны» записывал на французском. Что же – они что-либо потеряли из-за этого. Впрочем, таким же образом, через контакты с ВКЛ, а после захвата Россией южнорусских земель, Малороссии, и через неё, в русский язык проникают мно-

гочисленные «полонизмы». К концу XVII века, по свидетельству Лазаря Барановича, в окружении царя Алексея Михайловича, польский язык и польская литература пользуются «большим спросом», что осуждала московская церковь (по этому поводу гневался монах Авраамий) и что вызвало недовольство культурной деятельностью Симеона Полоцкого (1629—1680). А поток «малороссов» в Московию, «украинизация» и «полонизация» старорусского языка вызывал, например, у Сумарокова, неприязнь. Он отмечал «провинциальное произношение у священников» и их «неправильную речь». Однако именно «малоросс» Гоголь способствовал подъему русской литературы на высший уровень, и стал фактически основоположником классической русской прозы, создателем русского художественного стиля. А Достоевский, выходец из белорусских родов (родом из «пинских болот», как он сам писал, село Достоево) приобрел вообще мировую известность, и никто не ставил ему в упрек его «полонизмы» или «беларусизмы», если хотите.

Итак, уже с XV века непрерывно совершенствуется, необходимый для дальнейшей централизации государства ВКЛ и работы его административных органов, для внутригосударственных контактов, старобеларуский язык, который после «уний» с Польской Коронай, вбирая полонизмы, неизбежно, всё более удалялся от основного русла древнего, общеславянского языка.

Было положено начало выделению языка из общей языковой славянской стихии «от Камчатки до Эльбы и от Балтики до Адриатики» – фраза польского филолога Линде (1807).

Старобеларуский язык богател, появились образцы поэзии и прозы, написанные на этом новом языке, исторические и философские построения и размышления, «Лексисы» и «Грамматики», родоначальником которых, по общему признанию, стал «великий литвин-полочанин» Францыск Скарына (1490—1551).

После Скарыны культурную элиту XVI-го, «золотого века» ВКЛ, дополнили писатели и философы, гуманисты, народные просветители и педагоги, религиозные реформаторы, подвижники из среды литвин-беларусов: Симон Будны (1530—1593) и Василь Тяпинский (Омельянович) (1540—1604), Лаврентий Зизаний (Тустановский-Куколь) (1570—1633), Николай Гусовский (1470—1533) и Ян Намысловский (1566—1633), Спиридон Соболев (? – 1645) и Соломон Рысинский (1560—1625), Копиевский (1651—1714, Копиевич) и многие другие.

Можно в этот ряд включить и выдающегося ученого-филолога и религиозного деятеля Мелетия Смотрицкого, Архиепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского (1577—1633), родившегося около Ровно (совр. Украина), имя которого связано с Острожской академией, князем Острожским, Острожской типографией, первопечатником Иваном

Федоровым (Федоровичем), с его авторством «Граматики Словенской».

Росла в обществе тяга к знаниям, особенно в городской среде, которая знакомилась с европейскими достижениями, «местчане» («горожане»), а особенно их сыновья, покидали родные места, чтобы приобщиться к мировой культуре. Великие князья, соприкоснувшиеся с Европой, с элитой передовых стран, способствовали этому необратимому процессу, отправляли за границу своих сыновей и перспективную молодежь ВКЛ.

Грамота Великого князя Казимира 1447 года о праве свободного выезда за границу на учёбу в университеты **«для лепшаго счастья набыцця»** («достижения высшего счастья» пер с бел. яз. авт.) позволила десяткам и сотням уроженцев Беларуси (Литвы) получить высшее (по тем меркам) образование в Кракове, Праге, Вене, Падуе и Болонье.

На переломе XV – XVI столетий в Краковском университете училось более 140 студентов-литвинов (беларусов), среди которых появился в 1504 году, прославленный позже, Франтишак Скарына, «литвин из Полоцка» [18].

В это же время зачастили в Вильно и протестантские миссионеры. В правление Сигизмунда I («Старого») и королевы Бона Сфорца, король Польши и Великий князь литовский Сигизмунд II Август стал покровительствовать проте-

стантам.

Расцвету культуры Великого княжества, развитию его столицы Вильны, его культурных центров – Несвижа, Гродно, Слуцка и Полоцка, – «золотому веку» княжества особенно способствовала открытая политика короля Сигизмунда-Августа (1520- 1572) и его позиция в вопросах веры, его особая веротерпимость.

Одним из центров накопления знаний и источником просвещения в Вильно стала «иезуитская коллегия», основателем которой был Валериан Протасевич. На её основе был открыт ПЕРВЫЙ университет Великого княжества.

Хочу воспользоваться для более полной оценки того времени описаниями столичной жизни Вильны известным историком, археологом и литератором XIX века, Адамом Киркором (1818—1886, Adam Honory Kirkor), сохраняя цитаты из его статьи в оригинале:

«Царствование Сигизмунда I и Сигимунда Августа были счастливейшими годами в жизни Вильны. Дипломат XVI столетия барон Герберштейн, проездом из Москвы, где он был посланником императора Сигизмунда у Василия IV Иоанновича, описывая Вильно, говорит, что оно окружено каменной стеною, что в нем два монастыря, много православных церквей, римско-католических костелов и каменных домов.

В 1509 году происходил в Вильне церковный собор, в котором духовенство Московской Руси

не принимало участия. Деяния этого собора имели целью установление для духовенства правил в нравственном отношении.

В 1522 году основано в Вильне первое училище при кафедральном соборе.

В 1530 заведено другое училище при костеле св. Иоанна. В 1519 году заведена славянская типография Яковом Бабичем, в 1533 году Андреем Ленчинским основаны латинская и польская.

Сигизмунд Август, еще при жизни отца приняв в управление Литву (1543), после смерти супруги своей Елисаветы, дочери императора Фердинанда, скончавшейся в 1544 году, вступил тайно в брак с Варварою, дочерью Виленскаго кастеляна Юрия Радзивилла, вдовою после Станислава Гастольда воеводы Троцкого.

В 1545 г. основан оружейный и пороховой заводы, а в 1547 одним из придворных Сигизмунда, Палецким, основан стеклянный завод. В 1513 и 1530 годах пожары причинили много вреда Вильне; нижний город возобновлен был Сигизмундом, а кафедральный собор князем Иоанном Виленским епископом» [19].

**БОНА СФОРЦА дАРАГОНА (1494—1557) Королева-мать
портрет, Кранах мл. XVI ст.)**

Бона Сфорца – королева польская и великая княгиня литовская (1518 -1556 г.г.), вторая супруга короля Сигизмунда

да I «Старого», дочь миланского герцога Жиана Галеаццо Сфорца и Изабеллы Арагонской.

Небольшое отступление. Король Сигизмунд I «Старый» и королева, Бона Сфорца, отчаянно противились браку своего сына, Сигизмунда Августа, а потому только после смерти Сигизмунда I, Сигизмунд-Август торжественно объявил Варвару своею супругою, несмотря на сопротивление со стороны матери Боны Сфорца и польских вельмож. Варвара (Барбара) умерла в Кракове в 1551 году. Её прах Сигизмунд Август перевез в Вильно и торжественно похоронил в кафедральном соборе

(Подробнее о Варваре (Барбаре) Радзивилл и королеве Бона Сфорца можно прочитать в Книге Первой в Гл. «Королевы – матери королей – золотой генофонд Беларуси», стр.80).

Далее у Адама Киркора читаем:

«Знаменитейшее Литовское юношество, как напр. Радзивиллы, Хадкевичи, Сапеги, Кишки, Глебовичи и др. получали образование за границею, там проникались духом вновь образовавшихся учений лютеранского, кальвинского и др. многие переменили веру, вступали в брак с протестантками и возвратясь на родину распространяли новые учения, или, по крайней мере, смотрели благосклонно и не препятствовали другим присоединяться

к протестантизму.

Таким образом, новые учения стали проникать в Литву с самого начала своего образования».

«Авраам Кульва, Литовец, начал проповедывать лютеранскую веру в Вильне еще в 1539 году и основал здесь училище; но Виленский епископ князь Павел Гольшанский, исходатайствовал у Сигизмунда I повеление, коим Кульва обязан был явиться на суд епископа и покориться его решению. Кульва бежал в Пруссию, но им порожденные нравы впились уже глубоко. Напрасно в 1541 году издан был декрет, коим всякий принимающий новое учение лишался дворянского достоинства; напрасно воспрещено было выписывать учителей из Германии и посылать туда юношей для образования: Литовцы, покровительствуемые Сигизмундом Августом, не слушались старого короля, а едва умер Сигизмунд I протестантские учения беспрепятственно стали распространяться в Вилье и целой Литве. Сигизмунд Август был человеком образованным и любознательным, имел благородное и теплое сердце; поэтому он оставался верен католической церкви, но не стеснял ни чьей свободы совести, позволял собственным своим проповедникам Ивану Козминчику и Лаврентию Дискордия явно проповедывать учение Лютера; этого мало, из его богатой библиотеки расходились по рукам сочинения Лютера, Кальвина, Меланхтона, Буцера и др.» [19].

Столица княжества, город Вильня (Вильно, Вильнюс и да-

же Вильда у разных писателей) к XVI веку стал многонациональным, многоконфессиональным городом. В 1596 году в Вильне было 15 православных (беларуских ортодоксальных), 14 католических костёлов, 1 лютеранская «кирха» и 2 кальвинистских «збора», несколько еврейских синагог и 2 мечети. Вильня стала центром беларуской, литовской, польской, немецкой, татарской и еврейской культуры народов Великого княжества. Особую роль Вильня сыграла в продвижении новых, реформаторских идей просвещения, чему способствовали интересы Великих князей, их окружения, непосредственно общающегося с европейскими культурными кругами.

«Учение Кальвина распространялось в Вильне еще свободнее, потому что ревностным поборником онаго явился князь Николай Радзивилл прозванный Черным, возведенный Сигизмундом Августом на высшие в государстве – Виленскаго воеводы, вел. Маршала и канцлера в. к. Литовскаго Князь Н. Радзивилл воспитанный в Германии возвратился в отечество напитанный духом Кальвинова и Цвинглиа учений; потом во время посольства к императору Фердинанду (1545), а также в Прагу, еще более утвердился в оном, и, около 1553 года торжественно принял евангелическо-реформатское исповедание вместе с супругою своею Елисаветою, урожденною Шидловецкою, детьми, со всеми домашними и многочисленными своими приверженцами. Пример был заразительный и вся

епископа не могла ему противодействовать.

Он основал кальвинский сбор (коллегию), куда собирались все единоверцы для совещаний и богослужения под руководством ревностного кальвиниста Мартина Чеховича нарочно выпisanного из Польши, которого он посылал потом в Швейцарию, чтобы ближе ознакомиться с обрядами и правилами сего учения. Князь Радзивилл пользовался неограниченным доверием и дружбою короля и потому ему легко было склонить его в пользу своих единоверцев. Сигизмунд Август до конца жизни отличался особенною терпимостью в делах веры. Павел IV присылал к нему своего легата, епископа Липпомани, с целию уговорить его принять решительныя меры против реформатов и воспретить их распространению; Сигизмунд Август вежливо принял легата, уверял его в преданности к католической вере и папе, но не согласился на преследование протестантов» [там же]

В 1563 г. Сигизмунд-Август жалованною грамотою Литовскому и Русскому дворянству всех исповеданий, даровал те же права, коими пользовалось дворянство Польского королевства. Кальвин, Геслер, Билингер были с ним в переписке. Лютер посвятил ему перевод библии, а Кальвин объяснение посланий апостола Павла к Евреям. Лютеране, реформаты безпрепятственно сооружали храмы свои в Вильне. Даже пользуясь его веротерпимостью во множестве переселялись сюда из других стран. Сигизмунд-Август почти безвыездно

жил в Вильне, окруженный блистательным двором, множеством иностранцев, великолепием, блеском. Население города увеличивалось, торговля и промышленность процветали.

Вильно в это время было одною из знаменитейших столиц в Европе. Монастыри, соборы, костелы, кирхи, синагоги, мечети наполнялись разнородными жителями Вильна: Литовцами, Русскими, Поляками, Армянами, Греками, Немцами, Евреями, Турками, Татарами.

Сигизмунд-Август страстно любил Вильно, ничего не жалел для украшения своей столицы, заботился о всех, и все сословия, люди всех исповеданий, без различия, составляли предмет постоянных его попечений. Он выписывал лучших ремесленников и фабрикантов из Кракова, Пруссии и других городов, украшал замки, строил публичные здания, мосты, разводил сады, приглашал иноземное купечество, учреждал ярмонки, образовал городские ремесленные цехи с особым для каждого уставом и привилегиями, собрал богатейшую в свое время библиотеку. Блистательный двор, знаменитейшие вельможи (князья Радзивиллы, Сапегы, Кишки, Слуцкие, Острожские, Ходкевичи) теснились ко двору, строили и украшали великолепные палаты и подражая королю, сами заботились о процветании столицы, из угождения ему выдумывали разные увеселения, стараясь превзойти друг друга – роскошью, вкусом, богатством. Вильно кипело жизнью, деятельностью и представляло

необыкновенное разнообразие, пестроту во всем в храмах, в зданиях, в людях, в языке, в обычаях, в нарядах.

Беззаботно, весело, без вражды и тревожений, Поляк и Русский, Литовец и Татарин, Грек и Армянин, Еврей и Турок братски подавали друг другу руку, потому что не из чего было ссориться: верховная терпимость всех исповеданий сближала их, упрочивала связи и их отношения. Умер Сигизмунд-Август и все изменилось: братство заменилось – враждою; терпимость – преследованием; благоденствие – бедствиями.

С кончиною Сигизмунда-Августа (1572) надолго кончились счастливые дни Вильны. Ни один из Польских государей не содействовал столько ко благоденствию города. Особенно после кончины Батория, Вильно обречено было на опустошения войн,, пожаров и, что всего ужаснее, порабощение совести в делах веры» [19].

Конечно, картина, нарисованная Адамом Киркором, идиллическая, но это личное видение того времени автором первого «Путеводителя» по Вильне – «Przechadzki po Wilnie i jego okolicach» («Прогулки по Вильне и её окрестностям»; 1856). Переработанный вариант путеводителя на польском языке «Przewodnik po Wilnie i jego okolicach z wykazaniem najbliższych stacyj kolei żelaznych». «Путеводитель по Вильне и её окрестностям с указанием ближайших железнодорожных станций» вышел в 1880 году и затем еще несколько раз

переиздавался. И понятно восхищение тем, старым Вильно, эпохи «золотого века», который исчезал в XIX веке, став второразрядной «административной единицей» Российской империи.

Для нас же в этой работе важна оценка атмосферы того времени, детали появления множества конкурирующих между собой конфессий, каждой из которых приходилось прилагать большие усилия и делать финансовые затраты для привлечения неофитов. В этой конкуренции рождалось новое понимание, мироощущение гражданина, горожанина Великого княжества, гражданина Европы, воспитывалось толерантное отношение к людям другой нации, другого вероисповедования.

Самые передовые умы ВКЛ, такие как Францыск Скарына, Сымон Будны, Василь Тяпински, пытались найти в новых вероучениях образцы морали и нравственности, сравнивая и подвергая их критике, иногда находя в них излишнюю ортодоксальность, иногда противоречия с зарождающимся научным знанием.

Различные конфессиональные пристрастия этих великих литвин-беларусов, гуманистов XVI века не мешали им взаимодействовать в движении к общей цели – развитию народной грамотности, приобщении населения Литвы (Беларуси) к общеевропейской культуре. Свою миссию они ставили выше религиозных постулатов, утверждая, как писал, напри-

мер, Скарына, в предисловии к книге «Притчи Соломона», что главное назначение человека в совершенствовании земной жизни, главная проблема **«яко ся имати справовати и жити на сем свете»**.

№ 1

№ 2

№ 3

№ 4

Гравюры Скарыны

Гравюры-иллюстрации Скарыны к его книгам обнаруживают высочайшее мастерство первопечатника, техническое совершенство выполненных работ, художника – гравёра, предвосхитившего появление других творцов эпохи, таких как Рембрандт.

Фотокопии гравюр взяты из «История Беларуси IX – XVIII веков. Первоисточники. <http://starbel.narod.ru/graviury/gal.htm>)

Проникнутые жизнеутверждающей силой, возвеличивающие человека-творца, гравюры – иллюстрации Скарыны помогли понять даже малограмотной части населения княжества идеи этого великого гражданина. Работы мастера вошли в мировой фонд достижений европейских, средневековых деятелей Возрождения [20].

Широкие, энциклопедические взгляды выдающихся личностей Беларуси эпохи Возрождения, их отношение к религии, не позволяют современным историкам отнести, например, Скарыну к адептам какого-либо определенного вероучения. Тем более, что соприкоснувшись с «аверроизмом», проведя годы учёбы в католических университетах, Скарына, видимо, скрывал, по крайней мере, не афишировал своё собственное понимание мироздания, свой конфессиональный выбор.

Больше известно о религиозных предпочтениях Сымона Будного, который в 1560-х годах был кальвинистским пастором в Клёцке.

Польский историк Генрик Мерчинг, исследователь творчества Симона Будного, писал, что его «КАТЕХИЗИС... явился ПЕРВОЙ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ попыткой всесторонней критики текстов Нового завета» [21].

Вместе с Будным в несвижской типографии печатал свои работы Василь Тяпинский, переведший Евангелие на белорусский язык. Несвижская типография стала первой в Великом Княжестве Литовском, где использовались шрифты с кириллицей.

Общение с Будным, исповедовавшим в это время антиринтаризм, веру в единого Бога, учение, отвергающее догмат о Троице, не признающее божественное происхождение Иисуса Христа, привело к этому воззрению также белорус-

кого шляхтича, Василя Тяпинского.

«Ярким представителем радикально-реформационных течений и общественной мысли стал Стефан Григорьевич Лован, мозырский, который был вызван в суд по обвинению в отрицании «Бога в Троице единого» и непризнании Христа божественным искупителем человечества. В своих реформационных воззрениях он приблизился к грани, отделяющей религию от философии, и пришел к очень смелым выводам: отрицал существование души у человека, ада и рая, не верил в наступление судного дня и провозглашал идею несотворенности мира, который, по его мнению, возник сам из себя и будет существовать вечно...

По своей социальной сущности идейная оппозиция православной церкви была явлением глубоко прогрессивным. В превратной, религиозной форме она выражала социальный протест широких демократических слоев православного населения Речи Посполитой против официальной феодальной идеологии, выразителем и пропагандистом которой была православная церковь со своей многочисленной армией белого и черного духовенства. Этот идейный протест выражался не только социально-политическими идеями и требованиями, но и всем составом реформационно-религиозной идеологии, которая, отрицая учение официальной церкви, окружившей «феодальный строй ореолом божественной благодати», отрицала тем самым

идеологию и культуру господствующего класса» [22].

Кафедры марксизма-ленинизма, вообще говоря, исчезли, но здравые мысли той старой профессуры нам сегодня, ой-как, нужны, особенно в оценках религиозных предпочтений.

Франциск Скарына, Сымон Будны, Василь Тяпински, эти беларусы-литвины создали удивительный культурный фон Великого княжества, они учили веротерпимости, способствовали вхождению общества и его отдельных представителей в общеевропейскую культуру. И, конечно, главной своей задачей, они ставили просвещение народа «литвин-беларусов». Не надо смущаться по поводу того, что часто их слова, тексты их сочинений называют «русскими». Православие «русского извода» не разделяло тогда еще людей на «народы» или «нации», церковнославянский («русский») язык был обязательным для служения в православных церквях. Старобеларуский язык воспринимался, как несколько видоизмененный русский, хотя оба языка одновременно вышли из одного лона старославянского наречия.

Старобеларуский (староукраинский) выполнял свою главную задачу коммуникации со всеми близкими языками славянского окружения.

Собственно, это и дало повод русским историкам, создать свою версию «братства трех народов», не замечая достаточно глубоких различий между ними уже в начале XV века. Основатели «новой старобеларуской литературы», прекрас-

но понимали это расхождение в развитии старобеларуского и русского языков из общеславянского корня, и делали попытки воздействия, часто весьма плодотворного, на литературный русский язык.

«Франциск Скорина и Петр Мстиславец, Иван Пересветов и Илья Копиевич, Иоиль Турцевич и Симеон Полоцкий осознавали свои отличия от москвитян, при всяком случае подчеркивали свою этническую самость, что порой вызывало серьезное раздражение в Москве. Являясь новаторами русского языка, они оставались беларусами. И, судя по всему, не ощущали никаких душевных переживаний по этому поводу» [87]..

В качестве примера исторического расхождения культур литвин-беларусов и «москвитян» XVI века можно сослаться на эпизод с организацией типографии в Москве литвинами (беларусами) Иваном Федоровым (Иван Федоров, точнее Федорович, был происхождением из беларуского шляхетского рода герба «Шранява») и Петром Мстиславцем (Мстислав – город на востоке совр. Беларуси). Попытка создать в Москве типографию, организовать книгопечатание, были враждебно встречены московским духовенством. Вскоре после начала их деятельности, появились обвинения в «распространении ереси». В 1566 году фанатиками была разрушена московская типография Ивана Федоровича и Петра

Мстиславца. Иван Федоров (Федорович) и Петр Мстиславец, начали книгопечатание в Москве, но их книги («Апостол» и «Часовник») были сожжены по настоянию русской православной церкви (1566), так же, как и за сорок лет до этого были сожжены в Москве книги самого Франциска Скарыны. Книги, напечатанные в Великом княжестве, в Москве считались долгое время «еретическими» [88].

Первопечатники вынуждены были вернуться на родину, в Великое Княжество Литовское, где нашли пристанище у высокообразованного гетмана Хадкевича. В его имении, расположенном в Заблудове (совр. Белостокское воеводство Польши), ими были изданы Евангелие (1569 г.) и Псалтырь (1570 г.). Позже Пётр Мстиславец открыл свою типографию в Вильно, а Иван Федорович во Львове.

Несколько слов ещё об одной личности из этой замечательной плеяды просветителей Литвы-Беларуси, о Василе Тяпинском. «Евангелие от Матфея» Василя Тяпинского, напечатанное в его собственной типографии (1580 г.), было переводом с польского и церковно-славянского на разговорный старо-беларуский язык (беларуский перевод сопровождался церковно-славянским текстом).

В предисловии к «Евангелию» Василь Тяпинский специально отметил, что между «великими княжатами и панами значными в руском (что означало православном) народе такое неумение языку своему пришло», даже между «духов-

ными и учителями», что к польскому письму и себя, и своих приучают («заправуют»). Это были первые попытки противостояния «полонизации» старобеларуского языка.

Что касается связи «Золотого века» или «Реформации» с беларуским Возрождением, то это все находится в плоскости словесной эквилибристики, словоблудия, так как трактовка этого времени нашими современниками, разделившись на два лагеря, никогда не приведет к консенсусу – мало доказательств, фактов или документов для вынесения «окончательного приговора». Впрочем, и сам термин «золотой век» требует нового осмысления. Читателю остается лишь примкнуть к одному или второму лагерю, в соответствии со своими вкусовыми (стилистическими) пристрастиями...

Несколько лет тому назад разгорелась по этому поводу очередная дискуссия в интернете – был ли «золотой век» в Беларуси. Авторы, как правило, анонимные, теперь это модно – выступать под каким-нибудь «ником». Но вот что писал «историк» под «кличкой» «servus» (20.11.05 20:58) в дискуссии «Золотой век Реформации в Беларуси», полемизируя со своими оппонентами, написал интересно, стоит прочтения:

«Золотой век» не Реформации, а Беларуси. А Реформа-

ция – одна из причин того, что этот «Золотой век» имел место в нашей истории. У «Золотого века» несколько причин: культурные, политические, экономические. Реформация – одна из причин. Акинчиц считает эту причину определяющей. И я с ним в этом согласен. «Сымон Будны – человек. Грешный человек. (Жаль, что не сохранилась его антропоморфная «Об оправдании грешного человека перед Богом»). Я тоже грешен, могу ошибаться. А Вы? ... Понимаю. Тогда не указывайте мне на ересь Будного без **ЧЕТКОГО ОБОЗНАЧЕНИЯ**, что это за аргумент...

А Сымон Будны – ярчайшая личность «Золотого века». При всех его грехах, ошибках и недостатках характера. «Золотой век» – тривиальная метафора, которой обозначают некоторые эпохи культурного подъема у тех или иных народов, в тех или иных цивилизациях. В Беларуси такой культурный подъем имел место в 16 столетии. В нем приняли участие гиганты, они были разного происхождения, разного вероисповедания, даже атеисты (Каспар Бекеш, Лещинский и др.).

Любой культурный подъем выносит на поверхность, как гениев, так и экстраординарных злодеев. Беларуский «Золотой век» был одной из последних волн общеевропейского культурного подъема, известного в истории как эпоха Возрождения и Реформации (Возрождения античного наследия и Реформации апостольского наследия, в этом их об-

щая возрожденческо-реформатоская природа). Возрождение-Реформация охватили всю Европу. На романском юге (частично и в Германии) это понималось как возрождение, возврат к тому, что когда-то у них было. На германском севере (включая Скандинавию) и на славянском востоке (Чехия, Польша и Литва) «возрождать» в прямом смысле было нечего, но и они были охвачены культурным подъемом. Во многом заимствованным, инициированным с Запада и Юга.

Оттуда приезжали в Польшу и Литву культурные деятели, туда ездили учиться наши люди, туда они возвращались от общего жлобства. Но так было и с датчанами и прочими шведами. Только они по этому поводу не комплексуют. Как и финны с латышами и эстонцами...

И французы с немцами тоже не комплексуют по этому поводу. Вы станете возражать против того, что в 16 веке в Беларуси имел место небывалый до того культурный подъем?»

С большим опозданием, к сожалению, могу ответить этому анониму – конечно, был этот подъем, а как его назвать – дело вкуса. Мне нравится – «Золотой век Беларуси», хотя правильнее, все-таки, «Золотой век Великого княжества», но есть и другие оценки этого удивительного периода в истории ВКЛ, с другим наименованием этого времени: «Беларуское Возрождение», «Ренессанс» и т. д.

«Реформация сформировала беларуское Возрождение,

сотворила „Золотой век“ Беларуси, заложила основу белорусской нации. К XVI веку обращаются многие поколения белорусов в поисках своих корней, своей идентичности, своего предназначения, своей (национальной) идеи... Золотой век Беларуси, XVI век, показывает нам, где тот добрый путь, по которому следует идти, чтобы Беларусь заняла своё почётное место среди народов» [23].

Так охарактеризовал это время, несомненно, самое плодотворное во многих сферах общественного развития, белорусский историк Станислав Акинчиц.

А вот с точки зрения «православных историков» никакого «Золотого века» и Реформации, или Возрождения, в Великом княжестве вообще не было, и они трактуют лишь «православные» достижения ВКЛ, как единственные, имеющие непреходящую ценность, и поколебать их в этом убеждении невозможно. Да и не нужно. Слава Богу, в Беларуси сегодняшней не рушат оставшиеся от советских «борцов за справедливость» католические храмы, хотя кальвинистские почти все уничтожены. Пытаются даже возродить, восстановить униатство, и в Минске где-то даже построили синагогу, взамен взорванной в 1950- годы, рядом с моим домом, на Немиге, и уцелевшую в войну с Германией.

Но надо дать слово ревнителям «истинной веры». Священник Алексей Хотеев опубликовал работу, контрверсию

статьям Акинчица и работам Падокшина – «Реформация в Беларуси XVI в. и неохаризматические чаяния» [24].

Вот его некоторые аргументы, и ссылается он в своей статье, всё на того же Францыска Скарыну:

«Конечно, развитие белорусской письменности в XVI веке есть признак национального возрождения, но это не самоцель. Были книги белорусских просветителей и реформаторов, адресованные простому народу, однако их идейное содержание было наднациональным. Думать по-другому, значит, неадекватно воспринимать реальности прошлого. Реформаторы несли своему читателю проповедь не о его «белорусскости», а о его так или иначе понимаемых христианских обязанностях. Но наукой всех наук тогда считалось добронравие. Вот что писал знаменитый белорусский просветитель Франциск Скорина в своем предисловии к переводу Библии на старобларуский язык:

«Святое письмо все науки превышает [...] В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне найдете. Ту наущение философии добронравное, яко любити Бога для самого себе и ближняго для Бога имамы» [25].

То есть, некоторые высказывания Скарыны, вырванные из контекста его «Предисловия», привлекаются для того, чтобы доказать, что «возрождение» касалось не литвин-беларусов, что идеи реформации были абстрактные, «наднациональные», что «идейное содержание» работ великих бе-

ларуских гуманистов, главным образом, было направлено на «христианские обязанности».

Впрочем, раз «православные историки» так считают, то пусть и остаются в своём святом заблуждении. Я думаю, что другие взгляды красивой метафоре «золотой век» не повредят. Мы же постараемся наполнить эту метафору дополнительным фактологическим содержанием.

Государственное строительство федеративного государства, Речи Посполитой, на первых порах, не противодействовало идеям Реформации, к тому же, при открытых границах нового государства, эти идеи проникали на земли ВКЛ и Польши разными путями. Например, торговые, а в прошлом и военные, связи с Чехией (вспомните совместные баталии с немцами при Грюнвальде) давали возможность польскому обществу знакомиться с реформаторскими взглядами национального движения гуситов. Большое количество польской и литовской «шляхты», а потом и городского купечества, направлялось на учебу в Германию и Италию, и привозили оттуда новые представления, новые книги и новые взгляды.

В XVI – XVII веках на всей территории Литвы-Беларуси (Великого княжества, ВКЛ), в разных городах и в сельской местности, повсеместно открывались учебные заведения: «коллегиумы», «академии», «семинарии» и многочис-

ленные «бурсы», школы разных «братств» и «орденов». Первый «гимназиум» в ВКЛ был открыт в Новогрудке в 1539 году.

В это время началось усиление противостояния «реформаторам» со стороны римско-католической церкви, активизировался Орден Иезуитов («общество Иисуса»), чья роль в развитии образования не ограничивалась столицей, городскими жителями. Монахи Ордена, выполняя обет милосердия, помогали получить образование мальчикам из обездоленных слоев шляхты за собственный счет. С этой целью они создавали семинарии, «институты для бедной шляхты», организация которых являлась одним из направлений благотворительной деятельности «Общества Иисуса».

ПЕРВОЙ СЕМИНАРИЕЙ, открытой монахами-иезуитами на территории Беларуси, была Полоцкая. Она была основана по указанию польского короля Стефана Батория 20 января 1582 года [26].

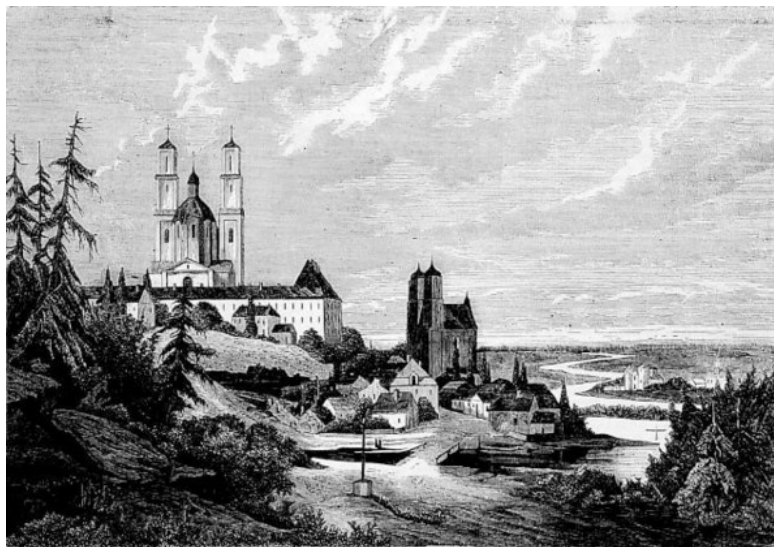
Второй, стала Слуцкая, её «фундатором» явился Иероним Клокоцкий, основатель коллегии, выделивший на организацию и деятельность семинарии 40 тысяч злотых.

Подробно история деятельности Ордена Иезуитов на территории Беларуси (ВКЛ) изложена в работе Т. Б. Блиновой «ИЕЗУИТЫ В БЕЛАРУСИ (Их роль в организации образования и просвещения)» [27].

Приведу некоторые выдержки из этой работы (Гл. IV, 1.

Первая и вторая иезуитские семинарии):

«Самыми древними школами-«бурсами» в Беларуси являются Несвижская и Полоцкая. Их появление на свет было предусмотрено «фундушевыми грамотами» основателей коллегии. Так, первая семинария начала свою деятельность в 80-е годы XVI века, благодаря «фундации» Николая Радзивилла «Сиротки», который, по утверждению крупнейшего историка ордена, немало сделал для бедной шляхетской молодежи, и ей «нигде не было так хорошо, как здесь» [Zaicki S. *Jezuici w Polsce* T. IV. Cz. I. S. 436.]

ПОЛОЦК, здания Полоцкого коллегиума в XVII веке фотокопия гравюры

(<http://novopolock.ru/polotsk/dostoprimechatelnosti/polotskij-iezuitskij-kollegium.html>)

В первой половине XVI века был построен в Пинске «коллегиум» иезуитов. «Коллегиум» был открыт по прямому указанию короля Речи Посполитой Стефана Батория и размещался на острове Западной Двины, напротив Софийского собора.

Полоцкая иезуитская семинария-коллегиум стала прообразом университетов, организатором университетского образования в Беларуси-Литве, насчитывающего четырехвековую историю.

«В то время в Западной и Центральной Европе, в том числе и на территории современной Беларуси, система образования и воспитания, выработанная иезуитами, была чрезвычайно популярной. Полоцкую интеллектуальную элиту представляли люди, хорошо известные во всей Европе. Среди них „христианский Гораций“ Мацей Сарбевский, автор первых отечественных учебников на греческом языке Сигизмунд Лауксмин, знаменитый оратор Казимир Коялович, профессор архитектуры Андрей Жабровских, ученый-энциклопедист, будущий

ректор Виленского университета, член Королевского астрономического общества в Лондоне, член-корреспондент Парижской академии наук Пачобут-Адленицкий. Не менее блестящую плеяду составляли и выпускники учреждения – живописец Валентий Ванькович, поэт, драматург и историк Никодим Мусницкий, писатель, один из основоположников новой белорусской литературы Ян Барщевский» [28].

Мацей Казимир Сарбевский (1595—1640) читал в Полоцком коллегиуме лекции по риторике и поэтике, писал стихи на латинском языке (как ранее Микола Гусовский), и был увенчан в Риме лавровым венком с титулом «христианский Гораций». Книга-учебник Сигизмунда (Жигимонта) Лауксмана «Практическое красноречие» выдержала 11 изданий: в Вене, Мюнхене, Праге и Франкфурте.

«Славная история Пинской иезуитской коллегии прервалась в 1773 году, когда Ватикан распустил этот монашеский орден и был занят униатами. С 1800 до 1918 года здесь находился Богоявленский собор, с 1848 г. действовало духовное училище, а с 1918 до 1939 года комплекс принадлежал католикам. Богатейшая библиотека коллегиума (два вагона) была вывезена в 1940 году в Ленинград, а Костёл Святого Станислава взорван в 1953 году» [29].

Последнее «достижение» сподвижников «гения всех времен».

Еще одно высшее учебное заведение Великого княжества было построено в Орше. В 1610 году король Сигизмунд пожертвовал оршанским иезуитам приход, в 1612 году ещё 5 деревень, а в 1616 году – большое имение Фашеевка, выделенное из земель Могилёвской королевской экономии. Резиденция иезуитов в Орше в том же году была преобразована в коллегиум.

Иезуитский коллегиум в Орше

Пинский коллегиум иезуитов историки называют одним из шедевров зодчества, которые оставил Беларуси XVII век. Массивные, толщиной до 2-х метров, похожие на бойницы

окна, подземные ходы, что ведут к реке, подвалы с немалым запасом продовольствия, при необходимости, превращали это здание в неприступную крепость, в которой можно было выдерживать длительную осаду [30].

Иезуитский коллегиум в Пинске сегодня.

«Что же касается Полоцкой «школы-бурсы», то ее возникновение относится к 1586 году, когда наряду со строительством новых обширных деревянных зданий коллегии, костела и конвикта, для бедной молодежи был сооружен отдельный дом «бурса». Вслед за Полоцком и Несвижем появилась иезуитская

бурса в Орше. Она возникла в 1634 году, благодаря «фундации» короля Владислава IV, подарившего членам ордена деревню Дубовка, расположенную в Минском «павете». Минская бурса начала историю своего существования в 1686 году, а Пинская – в 1678 году. Интересно отметить тот факт, что, как правило, возникновение бурс совпадает с открытием при иезуитских школах классов поэзии и риторики. Известно, что заключительным экзаменом по риторике было публичное театральное представление...

...В Несвиже, по свидетельству документа, музыкальная бурса уже действовала в 1687 году. Музыкальные инструменты для бурс либо дарились покровителями иезуитов, либо покупались. Так, например, витебский подкоморий Адам Франтишек подарил местным членам ордена в конце XVII века орган за 400 польских злотых» [31].

Виленский, иезуитский «коллегиум», трудами литвина (беларуса), виленского епископа (епископ с 1556 года) Валериана Протасевича («фундатор»), открыл свои двери для учеников в 1570 году. В «коллегиуме», кроме церковных предметов, велось обучение древнегреческому языку и латыни, математике, истории, географии, риторике, поэзии. Спустя восемь лет король Стефан Баторий предоставил коллегии права университета (1579).

В XVI веке зачастили в Вильно протестантские миссионеры. Сын Сигизмунда I («Старого») и королевы Бона Сфор-

ца, Король Польши и Великий князь литовский Сигизмунд II Август стал покровительствовать протестантам.

«Воспитывавшийся при дворе матери королевы Боны Сфорца, он подружился с духовником матери Франческо Лисманини, тайным приверженцем Реформации. Будущий король знакомился с сочинениями деятелей Реформации, даже отправлял Лисманини в Швейцарию покупать книги.

Несомненно, беседовал король и с придворными проповедниками, Иваном Козьминским и Лаврентием (Дискордием) из Прошович, которых взял с собой в Литву в 1544 году. Он писал в 1547 году краковскому бискупу: «Ещё слишком свежи в этом нашем Великом княжестве веяния старой веры. Потому что здесь, по-над Вильней, тёмный необразованный народ отдаёт почёт божескую (не говоря уже о других суевериях) лесам, дубам, липам, ручьям, валунам, ужам, и приносит им жертвы, как общие, так и личные...».

Король Сигизмунд II Август переписывался с Кальвином. Лютер и Кальвин посвятили королю свои сочинения: Кальвин – толкование на послание Павла к евреям, Лютер – свой перевод Библии» [25]. Король в совершенстве владел старобеларуским языком, официальным языком княжества, о чем свидетельствуют документы того времени, например, ниже приведенный:

«1552 г. Декабря 23.

Грамота Сигизмунда Августа, данная Василию Тишковичу

на пожизненное владѣніе имѣніями Лососиною, Байкевичами, Бѣлавичами и Рожаною.

Жикгимонтъ Августъ, Божою милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецскій и иныхъ.

Чинимъ явно симъ листомъ, ижъ мы, вбачивши на верныхъ а пильныхъ къ намъ господарю службы маршалка нашего, державцы Менского и Волковыйского, пана Василея Тишковича, дали ему дворы наши повѣту Слонимского на имя Лососиную, Байкевичи, Бѣлавичи и зъ мѣстечкомъ Рожаною и зъ селы и приселки, которые здавна къ тому двору нашему Лососину прислухало и теперъ прислухаетъ, съ половицею гуменъ тыхъ дворовъ нашихъ и съ половицею цынишовъ и платовъ и доходовъ всякихъ, яко ся тыи дворы наши сами въ собѣ и во всихъ пожиткохъ своихъ здавна и нинѣ мають, и яко на насъ господаря были держаны и въ справѣ волочной отъ насъ постановлены, и тежъ съ половицею дани грошовое и медовое и со всимъ съ тымъ, што здавна ку тымъ дворомъ нашимъ прислухало и теперъ прислухаетъ, до его живота.

Маеть панъ Василей Тишковичъ тые дворы наши отъ

насъ держати и у справъ своей владнути, со всимъ по тому, яко на насъ господаря было то держано, ихъ мѣти, гдѣжъ мы и зѣ личбы скарбу нашего зѣ оныхъ дворовъ нашихъ вышемененыхъ яко зѣ гуменъ, такъ и съ цыншовъ и со всихъ доходовъ, пожитковъ его зѣ ласки наше вызволяемъ и вольнымъ его въ томъ чинимъ.

Веджо подѣ тымъ способомъ и обычаемъ тыи дворы наши отъ насъ ему даемъ, и то на вѣру его здаемъ, ижъ маеть онъ съ тыхъ дворовъ нашихъ половицу всихъ доходовъ, цыншовъ, пожитковъ и даней грошовыхъ, медовыхъ, который съ тыхъ дворовъ нашихъ приходятъ и тежъ зѣ гуменъ, продаючи ихъ, половицу на насъ господаря до скарбу нашего давати, а другую половицу всихъ доходовъ, пожитковъ, цыншовъ и гуменъ маеть онъ съ тыхъ дворовъ нашихъ на себе мѣти и брати ку своему власному пожитку.

И маеть онъ почати тыи дворы отъ насъ держати отъ сего нового лѣта Обрѣзанья Господня пришлого свята, которое въ року тысяча пятьсотъ пятьдесятъ третьемъ будетъ, нижли въ тотъ жо годъ въ року тысяча пятьсотъ петдесятъ третемъ и потомъ годъ отъ году завжды будетъ онъ виненъ половицу цыншовъ, доходовъ, пожитковъ, даней грошовыхъ и медовыхъ и зѣ гуменъ, продаючи ихъ съ тыхъ дворовъ нашихъ, на насъ до скарбу нашего безъ жадного чиненья личбы отда-

вати, а другую половицу того всего на себе мѣти до своего живота.

А што ся дотычетъ справы и постановенья волокъ и пожитковъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ, ино панъ Василей не маеть ни въ чомъ оное справы и постановенья волокъ нашихъ нарушати и ихъ казити.

Але ещо маеть вси доходы, пожитки множити и люди на волокахъ осаживати, яко прислушитъ на доброго звѣреного врядника нашего.

А по животъ пана Василевомъ не мають тыи дворы наши жонъ, ани дѣтемъ его прійти, одно то маеть зася на насъ господаря быти взято къ замку нашему Слонимскому къ рукамъ нашимъ быти держано, яко жѣ есмо очивисто розказали воеводѣ Новгородскому, маршалку дворному, подскарбему земскому, старостѣ Слонимскому и Мстибоговскому, пану Ивану Горностаю, абы его милость розказалъ въ тыи дворы наши увязанье ему дати и съ чимъ то будетъ подано на реестра списати.

И на то есмо ему дали нашъ листъ зъ нашею печатью.

Писанъ у Вильни, лѣта Божого Нароженья тысяча пятьсотъ пятьдесятъ второго, Декабря двадцать третьего дня.

Sigismundus Augustus Rex»

Иванъ Горностай (староста Слонимский, возможно,

«писарь», прим. авт.).

Дух реформаторства проникал в образованные семьи магнатов Великого княжества разными путями. Николай Радзивилл Чёрный, который с 1529 года жил и воспитывался при королевском дворе в Кракове, в 1534 году стал учиться в Краковском университете.

Беларуский историк К. Шишигина-Потоцкая пишет: «В 1529 году по решению монарха Сигизмунда Старого Николай Чёрный некоторое время жил при королевском дворе в Кракове, где вместе с будущим польским королем и великим князем Сигизмундом Августом получал образование.

Атмосфера Возрождения при дворе имела большое влияние на его вкусы и привычки. Закончив обучение, он вместе с братом вернулся в Несвиж и активно включился в политическую и экономическую жизнь страны» [31].

Остается только удивляться тому подъему в духовной и материальной сфере, какой охватил Беларусь-Литву, Великое княжество (ВКЛ) в XVI и XVII веках, но не заметить его невозможно, и этот подъем безусловно связан с влиянием миссионеров-протестантов и их деятельностью на землях ВКЛ.

«Николай Радзивилл Чёрный стал в Великом княжестве Литовском защитником и поборником кальвинизма. Прежде всего он открыл кальвинистскую молельню в своем доме

на Лукишках под Вильно. В 1561 году на виленской Бернардинской площади он поставил каменный собор („збор“, бел. яз.), открыл молельни в своих усадьбах — в Клецке, Несвиже, Орше, Деялтове, Ивье, Шилинах, Койданах, Биржанах, Бресте» [25].

Кальвинистский собор «збор» (XVI век) в Койдано-ве

Койданава, сегодня Дзержинск, Минская обл. Беларусь, кальвинистский собор был взорван и разобран на кирпичи в 1930—1950 годы в период сталинских гонений на религию.

Неофитам кальвинизма импонировали простые истины новой религии, легко уживавшиеся с новыми, научными и техническими достижениями средневековья.

Согласно учению кальвинизма, «первородный грех извратил природу человека, лишил его способности к добру, поэтому он мог добиться спасения не с помощью добрых дел, таинств и аскетизма, а только благодаря личной вере в искупительную жертву Христа. Так, в кальвинизме снималось догматическое различие между священником и мирянином, упразднялась церковная иерархия».

«Была отвергнута молитва за умерших, поклонение святым и многочисленные праздники в их честь, почитание мощей и икон. Молитвенные дома были освобождены от пышного убранства, от алтарей, икон, статуй, сняты колокола. Реформируя церковь, кальвинизм отказался от монастырей и монашества. Богослужение было предельно упрощено и сведено к проповеди, молитве и пению псалмов и гимнов на РОДНОМ ЯЗЫКЕ. Библия провозглашалась единственным источником вероучения»... [25].

Постулаты кальвинистского учения протворечили догматам католицизма и, почти столько же, православию. Но это был несомненный шаг вперед, прорывающий многовековую косность и той и другой религии. Оставим богословам возможность продолжить дебаты по тонкостям религиозного

сознания – эти споры будут длиться столько, сколько будут живы последователи тех или иных вероучений. Ведь даже термин «золотой век» вызывает резкое противодействие сторонников, всё ещё доминирующей сегодня, «правильной» точки зрения на историю Беларуси, «спущенной» сверху.

Реформация XVI века в ВКЛ, век, так называемого, «беларуского ренессанса» (заменим здесь этим научным определением слова – «золотые века») известна своими латиноязычными авторами, одним из которых был Николай Гусовский (1470—1533). Его перу принадлежит одно из лучших произведений поэзии Возрождения в Беларуси «Carmen de statura feritate ac venatione bisonis» («Песня про зубра»).

Мне не совсем понятно – почему эта поэма, написанная на латинском языке и поднесенная Гусовским когда-то польской королеве, итальянке Бона Сфорца, заставляет копаться в деталях той эпохи современных «патриотов советского разлива» с единственной целью – доказать, что «не было золотого века». Что же их так раздражает? Что Гусовский был литвином (беларусом)? А «Ренессанс», который так и не достиг границ Московии, не нервирует наших оппонентов?

Поэму («песню») на современный белорусский язык переводили Язэп Семяжон, Владимир Шатон и Наталия Арсеньева. Существуют также переводы этого произведения на русский, польский, литовский, болгарский и другие языки.

Не менее известным поэтом-латинистом веком позже стал

Мацей Казимир Сарбевский (1595—1640), который читал в Полоцком коллегиуме лекции по риторике и поэтике, писал стихи на латинском языке и был увенчан в Риме лавровым венком с титулом «христианский Гораций».

«Золотым веком» ВКЛ, в отличие от, так называемых, «официальных» историков, предпочитающих термин «реформация», называют время протестантизма историки-любители, писатели и журналисты.

Понятие «золотой век» стало образной характеристикой, обозначающей время расцвета всей культурной жизни предшественницы современной Беларуси, Великого Княжества Литовского, время развития его духовной составляющей. В подтверждение этой точки зрения я позволю себе процитировать в переводе с белоруского языка отдельные выдержки из книги Станислава Акинчица «Залаты век Беларусі» [32], так как согласен, в основном, со всеми его доводами.

«В XVI столетии вся Европа переживала грандиозные перемены в своей духовной, культурной, экономической и политической жизни, связанной с обновлением института церкви, возвратом к библейским основам христианства. Это движение, называемое Реформацией, стало источником расцвета многих народов. Немцы, шведы, англичане, голландцы, швейцарцы, благодаря Реформации, стали целостными современными нациями. Реформация оказалась

центральным достижением всего XVI столетия. В полной мере всё это относится и к Литве-Беларуси. Мы не можем говорить о Возрождении в Беларуси, игнорируя Реформацию, так же как нельзя Реформацию отделять от Возрождения.

Выдающиеся личности белорусского Возрождения одновременно были людьми Реформации. Это Франьтишак (Францыск) Скарына, который напечатал Библию на старобеларуском языке, и Сымон Будны, издатель первого белорусского «Катехизиса», в котором просто и доступно, в духе Евангелия, он объяснял догматы веры, и Василь Цяпински, который высказался о необходимости развития науки и литературы на родном языке и сам взялся за перевод Нового Завета на «родную мову» (старобеларуский язык), «чтобы каждый мог понять Слово Божье».

Значение Скарыны в развитии общеславянского книгопечатания вышло за границы белорусского (литвинского, западнорусского и т.д.) культурного ареала.

«...Скорина одним из первых в XVI веке вошел в круг европейских переводчиков, издателей и типографов, которые занялись выпуском и распространением Библии на национальных языках, а это в этнокультурном развитии славянских народов сыграло огромную роль. В этом отношении первенство Скорины на Руси, как Московской, так и Западной, бесспорно: эру книгопечатания у восточных славян открыл ученый муж из Полоцка, а репертуар белоруской, а тем

самым и восточнославянской печатной продукции начинает пражская «**Бивлия руска**» [33].

Велика роль в реформационном движении магнатов княжества – князя Николая (Микалая) Радзивила Чёрного, который основал церкви, школы, «печатни» по всей стране, и канцлера Астафея Валовича, который проводил земельную реформу, так называемую «валочную памеру», и подготовил один из вариантов самого совершенного сборника законов в Европе XVI столетия – Статут Великого Княжества Литовского, а именно, «второй Статут» 1566 года» [32].

XVI век был назван «золотым» задолго до Акинчица и других историков. Это название столетия впервые появляется в «Успамінах», дневнике-летописи белорусского историографа-мемуариста конца XVI века, Федора Евлашовского (1546 – ок. 1613), чья личность, его биография, путь по жизни, сами по себе, больше свидетельствуют об эпохе Возрождения ВКЛ, о её «золотом веке», чем все другие исторические документы. Евлашовский еще и отметил, что **«на он час разность вяры не чынила мнейшей розности в милости приятельской»...**, а **«... тамтот век ЗОЛОТЫМ ми се види от нинейшого веку, кгде юж и межи еднэй вяры людзьми облуда все заступила...»** [34].

Автор «вздыхал» по прошлым дням, когда «разность ве-

ры» не мешала «милости приятельской», и словно предчувствовал хрупкость сиюминутного и наступление «облуды» («лицемерие» в пер. с польск. яз.). В языке Евлашовского уже присутствует немало «полонизмов», конкретных «маркеров» того времени.

Дневник Евлашовского, с тщательной подробностью описания прожитых годов – живой летописный рассказ о времени, написанный талантливым человеком. Недаром лауреат Нобелевской премии, писатель Чеслав Миклош, родившийся в Вильно, где старобеларуский язык доминировал в городской жизни несколько столетий, отметил, что «Мемуары Евлашовского – может, самое интересное произведение на давнем беларуском светском языке, которое и сегодня приятно читать» [35].

А вот литовские историки, переведя «Дневник» Евлашовского на современный литовский язык, «на всякий случай», «перевели» и его фамилию, и имя, да так, что этого беларуса не разглядеть в исторической дали, и стал он «литовским писателем», что не удивительно после всех «метаморфоз» в современной «литовской истории», да и старобеларуский язык у них обязательно носит название «канцелярский».

Я не буду заострять внимание читателя на особенностях беларуского языка, но дам слово великому польскому поэту, Адаму Мицкевичу, родом из Минщины, учившегося в Виль-

не, эмигрировавшему во Францию и умершему в Турции и никогда так и не посетившим Польшу:

«На белорусском языке, который называют русинским или литовско-русинским, разговаривает около десяти миллионов человек; это самая богатая и чистая речь, она возникла давно и отлично разработана. В период независимости Литвы великие князья пользовались ею для своей дипломатической переписки. Язык великороссов, на котором говорит почти столько же людей (нужно исключить отсюда финско-московский диалект, который сильно от него отличается) выделяется богатством и чистотой, но у него нет ни чудесной простоты белорусского языка, ни гармоничности и музыкальности малороссийского...» («Парижские лекции о славянских языках Российской империи», А. Мицкевич) [36].

Ранее я уже цитировал по этому же поводу одного из самых значительных лингвистов XX века, академика Вячеслава Иванова [15].

Однако вернемся к Евлашовскому, о котором можно ещё сказать, что его жизнь является яркой иллюстрацией «золотого века» Литвы-Беларуси, развития общества ВКЛ, возможностей, открывшихся перед творческими личностями той эпохи.

Вот основные черты его биографии:

«Родился Евлашовский в Ляховичах, в многодетной

семье 7 февраля 1546 года. Его семья принадлежала к знатному, но обедневшему роду, который однако сохранил фамильный герб и право пользования им. Только неумная тяга к знаниям, упорное самообразование, позволили Федору, еще в юности приобрести значительные знания в области математики, делопроизводстве и юриспруденции. Это не только обеспечило ему уважение соседей, но и позволило уже в 18 лет начать самостоятельную жизнь. Образованный, активный юноша быстро обратил на себя внимание не только местной знати, но и таких магнатов, как М. Радзивилл, Я. Хадкевич, К. Астрожский, которые постепенно стали поручать ему ведение своих судебных дел в различных инстанциях. Принимая во внимание его знания, опыт и знакомства в королевских домах, новогрудская шляхта в 1579 году послала его своим послом на Варшавский вольный сейм. Там ему, вместе с новогрудским судьей А. Тризной, было поручено принять участие в разработке текста «Трибунала Великого Княжества Литовского». Когда же в 1592 году в новогрудском земском суде освободилось место подсудка, воеводская шляхта выбрала его своим кандидатом. Кандидатов было четыре, однако, король Жигимонт III (Сигизмунд III) выбрал на эту должность именно Федора Евлашовского, который и занимал ее до 1613 года (двадцать лет!).

В 1603 году Федор Михайлович Евлашовский взялся за перо, чтобы оставить потомкам достоверные сведения о своей жизни, взглядах на общественно-

политические события современности, которые казались ему достойными внимания...

Эта уникальная рукопись сохранилась в архиве исторических актов в Варшаве. Впервые была опубликована украинским историком В. Антоновичем в 1886 году» [37].

В «Дневнике» Евлашовского отражены гражданские процессы, сопутствующие смене вероисповедания в белорусской (литвинской) среде, появлению самоуправления, реформе судопроизводства ВКЛ. Его личная судьба вполне соответствовала этому сложному периоду истории.

Костёл Сердца Иисуса в Ляховичах

«Сын православных родителей, с православной женой,

служащий у князя-католика, отдавший своего сына в арианскую школу, Евлашовский объективно отразил окружающую его действительность на стыке XVI и XVII века. Его мемуары – первая аутентичная история жизни человека, полная надежд, земных радостей, потерь, меланхолии и отчаянию. Они требуют не только всестороннего научного исследования, но и человеческого сочувствия и понимания " [37].

Зарубежные исследователи уделили больше внимания белорусскому Возрождению, чем отечественные историки, которые практически игнорируют, например, известный «Акт Варшавской конфедерации 1573 года». Актом было гарантировано на территории Речи Посполитой равенство всех христианских конфессий и запрещено употреблять насилие для решения межконфессиональных конфликтов. Правда, этот «протестантско-православный союз» существовал недолго – в естественные процессы ассимиляции и взаимовлияния польской и белоруской культуры, в сближение старобеларуского и старопольского языков вмешались политические реалии. Приближалось время Люблинской унии, повернувшей в другое направление исторический ход развития и становления белоруской нации, усиление польского начала в белоруской культуре и неизбежную трансформацию старобеларуского языка. Приведу один пример для подтверждения этого вывода, тем более, что у него своя интересная судьба, связанная с обнаруженным оригиналом «Слуцкого спис-

ка» Статута ВКЛ 1529 года.

Исследователем Олегом Лицкевичем, сделан анализ языка этого документа эпохи. На страницах Статута, на 13 листе, было вписано стихотворение Яна Пашкевича [38]:

*«Ян Казимер Пашъкевич
рукою властною* писал
року тысеца шестс [о] т двадцат первого
м [е] с [я] ца двадцат второг [о] дня*

*Полска квитнет лациною,
Литва квитнет русчызною*,
Без той в полице* не перебудеши,
Без сей в литве блазнЪм* будзеши.
Той лати [н] а* езык дает.
Та без руси не вытрвает.
Ведзъ* же юж, рус, иж тва хвала
По всем свете юж дойзрала;
Весели ж се ты, русине,
Тва слава никгды не зкгине».*

В переводе на современный русский язык Олега Лицкевича:

*Польша славна латинизмом,
Литва русскостью,*

*без латинизма в Польше не проживешь,
без русскости в Литве дурнем будешь.
Польша латинизм дает язык,
Литва же без Руси не выстоит.
Знай же, Русь, что хвалят тебя
уже по всему свету,
возвеселись же ты, русин,
твоя слава никогда не сгинет.*

«Шляхтич и человек, о котором пока абсолютно ничего не известно, по имени Ян Казимир Пашкевич, решил соединить, так сказать, поэзию с прозой. Свое прославленное, зацитированное до дыр и единственное из дошедших стихотворение, он написал на рукописном списке Статута Великого княжества Литовского 1529 года» [38].

Пашкевич, как в воду глядел, когда записал в строке «Литва же без Руси не выстоит», только имел он ввиду не «Московскую Русь», не москвитов, а русинов, единокровных славян Галиции и Волыни, и православную часть славянства Великого княжества...

Расставшись по Люблинскому соглашению с «Русью», что тогда означало земли южнорусских княжеств – Галицко-Волынского, земель Подолии и Северских земель, Великое княжество потеряло не только территории, но и людской капитал. Это стало началом конца, ослаблением ВКЛ в его про-

тивостоянии с Москвой и преддверием окончательного поглощения его Российской империей через два столетия.

Кроме того, видимо, в этой «точке бифуркации», с подписанием «Унии», в 1569 году, началась новая история «литвинов», история расхождения практически единого славянского народа («русины» и «литвины»), объединенного смежными землями и древним общеславянским языком, на два самостоятельных, предшественников современных украинцев и беларусов.

Однако, оставалось еще столетие, в которое продолжали развиваться прогрессивные традиции XVI века, это время внесло свой значительный вклад в подъем экономики и культуры Великого Княжества Литовского, предтечи Беларуси. Необычайный культурный подъем XVI-го, «золотого века», захватил и полстолетия XVII-го. Развивались не только письменность и книгопечатание, появлялись философские трактаты, некоторые из них, как работы Сымона Будного, ставили под сомнение религиозные догматы, привели, в конечном счёте, к появлению «материалистических» воззрений.

И в этой сфере, в философии, беларусы (литвины), наши соотечественники, намного опередили своих ближайших соседей – Польшу и Россию, наступавших на свободомыслие и просвещение многонациональной и многоконфессиональной Литвы-Беларуси.

Реформация в Польше и Великом княжестве набирала силу, что вынудило после Люблинской унии 1569 года, заключить в 1570 году «Сандомирское соглашение» между всеми реформированными церквями, за исключением ариан. Уже в новом, конфедеративном государстве «двух народов», Речи Посполитой, в 1573 году была создана «Варшавская конфедерация», призванная законодательно оформить множественность вероисповеданий в Речи Посполитой, был подписан «Акт», который гарантировал соблюдение принципов веротерпимости. «Акт Варшавской конфедерации» явился ПЕРВЫМ подобным документом в Европе.

Фотокопия оригинала Акта

Развивались литература, науки и её технические приложения. Венцом развития философской мысли в Беларуси XVII века стала подвижническая и просветительская деятельность Казимира Лышчинского, белорусского Джордано Бруно [39].

«Казимир Лышчинский родился 4 марта 1639 года в семье служилого шляхтича в родовом имении Лышчицы Брестского района (Беларусь), образование получил в иезуитском коллегиуме в Бресте, потом в Ягеллонском университете в Кракове. Патриот своей родины, он участвовал в войнах с Москвой, со шведами и в турецкой военной кампании.

«Вернувшись в родные места, преподавал философию. В 1664 был помощником ректора Брестского коллегиума иезуитов. В 1682 на брестском «сеймике» избран подсудком земского суда, затем служил писарем королевского суда. После разрыва с иезуитами вернулся в родовое имение Лышчицы, превратил его в образцовое хозяйство, основал здесь школу для крестьянских детей и преподавал в ней, занимался юридической практикой.

С 1674 писал трактат «О несуществовании бога» (сохранились фрагменты), в котором изложил свои взгляды на религию и окружающий мир. В нём он отрицал существование бога, утверждал, что бог – «создание химерическое», его сотворили люди по своему подобию. Отрицал бессмертие души, загробную жизнь, все догматы и обряды церкви, обли-

чал аморальность и корыстолюбие церковников; отцов церкви называли ремесленниками пустозвонства, которые «тушат свет». Религию считал сознательным обманом, а верующих в бога – тёмными рабами.

Единственной реальностью считал материальную природу, утверждая, что все изменения в природе происходят по законам развития материи, а не по божьей воле.

Он подошёл к требованию ликвидации крепостного права и создания общества, основанного на гражданских свободах. Считал необходимым заменить церковный брак гражданским.

По доносу агента иезуитов, выкравшего часть трактата (15 тетрадей), в 1687 году Лыщинский был заточён в тюрьму и после более чем годового разбирательства приговорён сеймовым судом к сожжению на костре вместе со своим произведением.

30 марта 1689 года Лыщинский был обезглавлен и сожжён на костре в Варшаве, его пепел развеян в поле.

Мемориальный камень со строками завета Лищинского

Юбилейная почтовая марка Беларусь

Возле бывшего костела (построен в 1742 году – с начала 1990-х годов – православная Покровская церковь), в деревне Малые Щитники Брестского района, установлен камень со словами о поиске истины философа и просветителя XVII

века Казимира Лыщинского, уроженца этих мест» [39, 40]. В Беларуси юбилейную дату, связанную с Лышчинским, отметили выпуском почтовой марки

В XVI-ом, «золотом веке», расцвела и музыкальная культура Беларуси (ВКЛ), как органичная часть европейской, связанной с идеей Реформации во многих странах континента. Протестантская церковь, придерживаясь строгости, некоей суровости и ограничений в оформлении храмов, придавала особое значение музыкальному сопровождению богослужения.

«Один из главных идеологов Реформации Лютер считал, что «после теологии следующее место и величайшее почтение должно быть отдано музыке. Она – чудесный, могучий дар Божий...».

Знаменитые музыканты белорусской Реформации: Цыприан Базылик и Вацлав из Шамотул были придворными музыкантами князя Николая («Микалая» бел. яз.) Радзивилла «Черного» в Несвиже. «Благодаря их творчеству музыкально-хоровая культура Беларуси, развиваясь интенсивно и плодотворно, поднялась до высочайшего уровня, недостижимого до сих пор» [48].

Чтобы не возвращаться более к Цыприану (в рус. яз. – Киприан) Базылике, отмечу, что им же был сделан перевод на старобеларуский язык с польского печатного издания

1574 года «Historia spraw Atyle Krolá Węgierskiego» – «История об Атиле» [49].

Не могу не привести прекрасный отрывок из того перевода, как образец белорусского языка XVI века:

«Атыльля тогды, котораго по угорский зовуть Этэле был середнега узросту персеи и плече шыроких головы водле инышых члонков померное, абъличя чернявого, очю светлых, на взгляде быстрость якуюсь в собе маючо, борода редькое, носа закрывленого, походу гордого, до вэнуса велми склоньны, на працу телесную, на голодь, на спань, на студень и на горячость велми терпливы, великого сердца, рады доброе и смелы, руки хисткое и мужное, в речах рыцэрскихъ учоныи, дославы велми хотливы, въ оглуменю неприятеля в наражен../и зрады велми ростропны и хитры, в битве всего доглядаючы, часомъ мужного жолнера, часом справного гэтмана повинности досыть чынечы, противко пышным крнобры А против покорныхъ лацны и мило-сердныи... (Atylja 1580: 17817—28)» [50].

СИГИЗМУНД II АВГУСТ (1520 – 1572)

Великий князь литовский с 18.10.1529 года, король польский с 20.02.1530 (портрет работы Луки Кранаха мл. 1554).

Король Польши Сигизмунд II Август 7 июня 1563 года

подписал «Привилей» об уравнивании в правах православных и католиков (текст «Привилея» был включен в Статут Великого княжества Литовского 1566 года).

В протестантском движении в Беларуси (ВКЛ), в развитии идей реформации, в религиозном обновлении, необычайном культурном подъеме Великого княжества сыграл особую роль князь Микалай (Николай) Радзивилл «Чорны» (1515—1560 г.г.).

Николай Радзивилл «Чорны» (1515—1560 г.г.).

Князь Радзивил «Чорны» стал основателем белорусской, несвижской линии рода Радзивилов, сделавший исключительно успешную карьеру в продвижении к вершинам выс-

шей власти ВКЛ. Его называли «некоронованным королем Великого княжества и апостолом Реформации». Именно, благодаря его энтузиазму и активной поддержке, Реформация в Беларуси (ВКЛ) получила такое распространение. Несколько отрывков из очерка Александра Варыкиша о князе Радзивиле позволят глубже ознакомиться с этой неординарной личностью и его ролью в развитии Реформации в Беларуси [51].

«Молодой белорусский магнат Микалай Радзивил, получивший прозвище Черный, вместе с многими соотечественниками попал в Германию в разгар полемики между сторонниками и противниками учения Лютера. Немаловажен тот факт, что в этот период профессура Виттенбергского, Лейпцигского, других немецких университетов, где традиционно получала образование белорусская политическая элита, стала активными распространителями реформаторских взглядов. Не удивительно, что вслед за другими европейскими странами Реформация стала активно распространяться и на Беларусь. Польский король и великий князь литовский Жыгимонт Старый, обеспокоенный подобным поворотом событий, в 1542 году издаёт в Вильне декрет, по которому всякий шляхтич лишался шляхетского достоинства в том случае, если «заражался люторовой ересью», запрещалось приглашать немцев в качестве воспитателей и посылать молодёжь в Германию для получения образования. Но королев-

ская власть была не в силах административными методами остановить духовное обновление, и уже в следующем году был отменён закон, запрещающий посещение иностранных университетов.

В начале 40-х годов XVI века молодой Радзивил возвращается на родину, и с 1544 года, при новом правителе Великого Княжества Жыгимонте Августе, в его жизни начинается блестящий период. Тридцатилетний Микалай Радзивил «Чёрный» становится главным советником, правой рукой молодого монарха. Более того, дальнейший рост влияния магната связан с женитьбой Жыгимонта Августа на его двоюродной сестре Барбаре Радзивил, которая становится великой княгиней литовской и польской королевой. В 1547 году Радзивил Чёрный получил титул князя Священной Римской империи.

Присвоение Герба и титула князей Священной Римской империи Николаю Радзивиллу «Черному» в Ватикане

Недавно обнаруженная картина неизвестного художника, датируется XVI – XVII веками. Замок Радзивиллов в Несвиже. (фото Студия «Лувр». Минск <http://nemiga4.me/belarus/nesvizh/rimskaya-imperiya.htm>)

За несколько следующих лет Радзивилл становится «неко-

ронованным королём Беларуси». В 1549 году на сойме за Радзивилами был закреплён княжеский титул, Чёрный становится воеводой Троцким, к его громадным на то время владениям добавляются Дрысвяты и Брестское староство. Через два года Микалай Радзивил получает канцлера Великого княжества и воеводу Виленского. Его ещё более укрепились, когда великокняжеским привилеем за Радзивилом было закреплено беспрецедентное право на хранение в своём архиве всех документов, касающихся делопроизводства в Великом Княжестве, тем самым приравнивая несвижский архив к государственному. Поскольку Жыгимонт Август большую часть времени находился в Польском королевстве, фактическая над страной была сконцентрирована в руках Николая Радзивила.

«В 1553 году в Вильне произошло событие, имевшее эффект разорвавшейся бомбы и получившее резонанс не только в Великом Княжестве, но и в соседних странах. Канцлер литовский, воевода виленский, самый влиятельный политический деятель государства, некоронованный король Беларуси, публично объявляет себя кальвинистом. Долгое время белорусский магнат с симпатией относился к идеям Лютера о необходимости реформы церкви, но после возвращения из посольства к императору Священной Римской империи Радзивил принимает решение стать евангельским христианином. В скором времени семья магната и его двор приняли

аналогичное решение» [51].

Православный священник Алексей Хотеев, исследователь истории Реформации в Беларуси, дает такое объяснение этому факту:

«Князь Николай Радзивилл Черный также поначалу симпатизировал учению М. Лютера и на этой почве сблизился с прусским герцогом Альбрехтом. Однако его контакты с видными представителями польской реформации, особенно Яном Ласским, расположили его более к теологии Жана Кальвина. В 1553 году он открыто перешел в кальвинизм, что было отмечено (в 2003 году), как 450-летие реформации на Беларуси» [24].

«Это событие для развития евангельского движения на Беларуси имело первоочередное значение. Историки отмечают, что Микалай Радзивилл имел огромный авторитет в среде белорусских магнатов и шляхты, оказывал сильнейшее влияние на Жыгимонта Августа, великого князя литовского и короля польского. По свидетельству современников тех событий, когда Микалай Чёрный входил в Сенат со своей многочисленной свитой, сам король вставал с трона и делал несколько шагов навстречу, причём настаивал, чтобы тот сел не на обычном месте воеводы виленского, но около трона, тем самым подчёркивая достоинство магната» [51].

«В этом же году он основал кальвинистский „збор“ (ко-

стёл, церковь, бел. яз.) при своем дворе в Бресте и типографию. В типографии Микалай Радзивил Черный издал Катехизис христианской веры для простого народа и знаменитую Радзивиловскую Библию (1563 г.). Для укоренения идей Реформации в Великом Княжестве Микалай Радзивил начал повсеместно организовывать церкви в своих владениях. Вслед за Брестом и Вильней кальвинистские „зборы“ возникли в Несвиже, Клецке, Ивье, Койданове, Орше. Виленский воевода не жалел ни сил, ни средств, чтобы распространить новые идеи по всему Княжеству. Буквально через год сторонниками Реформации стали крупнейшие магнаты и государственные деятели, в их числе Иероним Ходкевич, Станислав Кишка, Валовичи, Глебовичи, Сапеги, Вишневецкие, Огинские, Шеметы и др. Шляхта массово переходила из католицизма в кальвинизм» [там же].

«Евангельскими христианами стали практически все литовские воеводы, каштеляны – минский, полоцкий, брестский. Переход в кальвинизм большей части политической элиты Великого Княжества обусловил активное распространение Реформации на территории Беларуси» [там же].

Исследователь истории Реформации, Татьяна Галуза, подводя итоги своим изысканиям, приходит к такому выводу:

«XVI век – это период стремительного культурного подъема Великого Княжества Литовского. В целом, стоит упомянуть сотни школ, открытых при кальвинистских и лютеран-

ских церквях, которые дали возможность тысячам молодых людей получить, по крайней мере, начальное образование. Для образовательного развития широкой общественности в типографиях выходили сотни книг большими тиражами, издавалась не только религиозная литература, но также книги по истории, географии, математике, философии, поэтические и прозаические произведения разных авторов. Книги начали издавать Сымон Будный, Матей Кавечинский, Лаврентий Кришковский.

Был издан «Катехисис» и книга «Об оправдании грешного человека перед Богом» на белорусском языке. Сымон Будный – великий просветитель, теолог и религиозный реформатор, филолог и поэт – положил начало печатанию книг на народном белорусском языке на территории современной Беларуси (до него на белорусском языке в Вильне Франциск Скарына издал «Малую подорожную книжицу» в 1522 году и «Апостол» в 1525 году).

О значении белорусского языка для народа Великого Княжества красноречиво говорит и тот факт, что наиважнейший государственный документ – Статут Великого Княжества Литовского – был написан именно на этом языке» [48].

«...В 60-х годах XVI века в стране евангельские христиане становились главенствующей конфессией. Православные авторы XVI века с горечью констатировали: «В Новогрудском повете едва можно найти один шляхетский дом, чуж-

дый ереси. Во всём этом воеводстве, составлявшем главную и самую большую часть епархии православного митрополита, из 600 дворянских домов греческого вероисповедания едва осталось 16, или даже менее, которые уцелели от еретической новокрещенской заразы».

29 мая 1565 года на 50-м году жизни умирает Микалай Радзивил Чёрный, однако, как ни злорадствовали враги, его дело нашло достойных последователей. За год до смерти Микалая «Чёрного» Микалай Радзивил «Рыжий» следует примеру брата и становится кальвинистом. На протяжении двух последующих десятилетий герой Ливонской войны, великий гетман литовский берет на себя ответственность за развитие реформационного движения в Беларуси» [51].

Существуют разные данные, относительно числа протестантских «зборов» (костёлов, соборов в бел. яз.) на Литве и Беларуси. Согласно Генриху Мерчингу, во второй половине XVI века здесь было 158 кальвинистских «зборов», 5 лютеранских и 14 социнианских, общим числом в 177. В Виленском и Троцком воеводствах, и в Жмудском «старостве» было 110 «зборов», в Полоцком, Новогрудском, Вицебском, Брестском, Мстиславльском и Минском воеводствах – 67 [53].

«На государственных землях протестантам разрешалось строительство своих „зборов“ с тем условием, чтобы ни като-

лические, ни православные храмы не были ими заняты. Пример видим в грамоте Сигизмунда Августа на основание „дома молитвы“ в Витебске в 1562 году» [24].

«В книге Притч есть такие слова: „Когда умножаются праведники, народ благоденствует“. Это не просто слова, это духовный закон. Все сферы жизни как конкретного человека, так и общества в целом зависят от его состояния. И история Беларуси является наглядным примером действия этого закона. Когда в нашей стране умножились праведники, в Беларуси была хорошая жизнь, было благоденствие. Это XVI век, столетие Реформации, время, вошедшее в историю как Золотой Век Беларуси» [52].

Я придерживаюсь той же точки зрения, которую высказал Станислав Акинчыц об эпохе Реформации в Великом княжестве, в Беларуси [53].

Для понимания истории Беларуси в эпоху развития идей Реформации, в её «золотой век», следует особо отметить создание многих десятков «друкарен» (типографий), необычайный расцвет литературы, доступность для населения книг, образование новых, частных библиотек, школ и «коллегиумов», следовательно, и увеличение грамотного населения. Произошел массовый поворот в сторону протестантизма, освобождающего личность от жёстких религиозных норм православия и католицизма. Но, самое главное, по мо-

ему разумению, достижение «золотого века», неоцененное должным образом до сих пор, – это «валочная реформа», аграрная реформа 1556 года и её результаты. Эта реформа заложила основы появления нового класса населения в Беларуси (Литве), класса собственников, личных владельцев земли, свободных предпринимателей, «цеховиков», людей в принципе свободных от феодальной или любой другой зависимости. Не буду критиковать недостатки этой реформы, хватит критиков и без меня. Даже если реформа Казимира полностью и не удалась, двести лет её воздействия на государство, на общество, оставили неизгладимый след в сознании белорусов. По крайней мере, эта реформа на 300 лет опередила российскую отмену крепостного права 1861 года.

Оставалось до захвата всех белорусских (великокняжеских) земель Российской империей ещё два века, в которые Россия будет только размышлять об отмене «крепостного права» и проводить с конца XVIII века свою жестокую политику русификации литвин-беларусов.

В этой реформе надо искать корни отношения беларуса-литвина к бюрократии России, к бюрократическому управлению Великим княжеством, превратившему в угоду царской власти Великое Княжество Литовское в безликий «Северо-западный край», каким его будут считать ещё два века в России имперской и в советской России.

Чтобы более предметно представить значение аграрной

реформы середины XVI века в Литве-Беларуси, приведу несколько её подробностей из разных источников.

«В 1556 году Микалай Радзивил «Черный» проводит аграрную реформу, которая позволила каждой крестьянской семье получить во владение «валоку» (около 21 гектара) земли. Земля была размерена так, чтобы каждое хозяйство имело землю одинакового качества. Теперь благосостояние крестьянина зависело не от везения, а от умения качественно вести свое хозяйство... Новая система хозяйствования дала возможность увеличить урожаи зерновых, так что рожь и ячмень начали вывозить на продажу за границу...

Ликвидация сельской общины позволила развивать разнообразное производство, особенно связанное с переработкой древесины, так как часть крестьян вместо работы на земле начали заниматься ремеслом. Появились целые поселения смолокуров, котельников, кожевников, сапожников... Всё это способствовало росту городов и местечек. Если в начале столетия их было только 48, то в конце века их насчитывалось более 300. Урбанизация Великого княжества непосредственно связана со стремлением магнатов основывать города и местечки в своих владениях. Радзивиллы, Сапег и другие магнаты приглашали всевозможных ремесленников, в первую очередь верующих, и давали новым поселениям магдебургское право (право самоуправления)» [53].

Вряд ли князь Николай Радзивил «Чёрный» смог бы провести свои экономические преобразования, если бы не его выдающиеся успехи и достижения на политическом поприще, близость к королю, его влияние на окружение короля и связи с аристократией «Польской Короны». Конечно, всему этому способствовала и его сестра, Барбара Радзивил, ставшая, к тому же, женой князя Зигмунта, ставшего вскоре королем Польской Короны Сигизмундом Августом (подробнее о королеве Барбаре в [54]).

Политические достижения Микалая (Николая) Радзивилла «Чёрного» и его влияние на государственную жизнь Речи Посполитой представляют собой вершину могущества всего радзивилловского рода. Его дипломатические миссии и переговоры с Карлом V и Фердинандом I привели к самой грандиозной из всех дипломатических побед Речи Посполитой – объединению Ливонии с Речью Посполитой (1562). Кроме всего прочего, во время этой дипломатической миссии он добился подтверждения графского титула для себя и своего кузена, Николая Радзивила «Рыжего». Устойчивый политический союз между Николаем Радзивилом «Чёрным» и его двоюродным братом, Николаем Радзивилом «Рыжим», продержался до конца их жизни. Вместе они неоднократно призывали к укреплению независимости Великого Княжества Литовского от Польши.

Несомненно, на братьев повлияла в значительной мере тесная связь с польским обществом, польская культура, нравы и обычаи польского высшего света. «Николай Радзивил „Рыжий“ стал примером для подражания всей литовской аристократии, которая, глядя на него, перенимала польские манеры, моды, привычки и язык. После его смерти, утратившие влияние отца, все 9 его сыновей перешли из кальвинизма (протестантизма) в католицизм. А его сын, Юрий (1556 – 1600), стал Архиепископом Вильны и Кракова (польской столицы), а потом кардиналом католической церкви. Более того, его кандидатуру выдвигали на папский престол во время конклава высшего католического духовенства 1585 года» [55].

**Николай Радзивилл «Рыжий» 1512—1584,
(Мікалай Радзівілл «Руды» бел. яз.).**

В это же время достигла своего самого высшего накала борьба католических иерархов с новыми течениями христианства, затронув и Великое Княжество Литовское.

К середине XVI века протестантство победно шествовало

по землям Польши и Литвы-Беларуси. Выдающийся русский историк Василий Ключевский так оценивает это время, приведшее, в частности к Люблинской унии (1569 год):

«Здесь в 700 католических приходах уцелела едва тысячная доля католиков; остальные прихожане перешли в протестантство. Тевтонский орден в 1525 году отпал от римской церкви вместе со своим магистром Альбертом, который принял титул герцога. В этом ордене стали появляться переводы протестантских сочинений на литовский язык. Главным распространителем протестантизма в Литве был учившийся в северной Германии и получивший там степень доктора ЛИТВИН Авраам Кульва, который потом нашел себе преемника в немецком священнике Винклере. Оба этих проповедника распространяли лютеранство. Еще успешнее приживался там кальвинизм, поддерживаемый влиятельным литовским магнатом Николаем Радзивилом Черным, двоюродным братом королевы Варвары, сначала тайной, а потом явной женой короля Сигизмунда-Августа.

В начале второй половины XVI века огромное большинство католического дворянства уже перешло в протестантизм, увлекши за собою и некоторую часть литовско-русской православной знати – Вишневецких, Ходкевичей и др.» [57].

В.О.Ключевский продолжал настаивать на определении белорусов-литвин, как «литовско-русских» людях в «Литовской Руси». Но это дело прошлое, мы разобрались, что такое

«Литва русская», а русские историки при его жизни стали внедрять уже и новое обозначение нации – «беларусцы».

Извлечём из рассуждений В. Ключевского «рациональное зерно», его выводы относительно развития протестантизма в Великом княжестве:

«...успехи протестантизма подготовили Люблинскую унию 1569 года. Протестантское влияние ослабило энергию католической пропаганды среди Литовской Руси. Последние Ягеллоны на польском престоле Сигизмунд I и Сигизмунд II Август (1506 – 1572) – были равнодушны к религиозной борьбе, завязавшейся в их соединённом государстве. Сигизмунд-Август, мягкий и праздный гуляка, воспитанный среди новых веяний, насколько ему позволяло государственное его положение, даже покровительствовал новым учениям, сам выдавал для чтения протестантские книги из своей библиотеки, в придворной церкви допускал проповеди в протестантском духе; ему было все равно при выезде из дворца в праздник, куда ехать, в костел или в кирху...» [57].

После смерти братьев Радзивилов, Николая «Чёрного» (1565) и Николая «Рудого» (Рыжего, в пер. с бел. яз.) в 1584 году заметно ослабление, а потом и окончательное поражение кальвинистов под усиливающимся напором католической церкви. Началась эпоха Контрреформации, неизбежный исторический откат назад в развитии любого общества,

прошедшего в короткий срок революционные переустройства.

Гобелен с портретом Великого князя Микалая Крыштофа Радзивила («Сиротка»),

Гобелен в одном из залов дворца Радзивиллов в городе Несвиж (Беларусь), подарок мастерских Лувра.

Вот уж воистину «нет пророка в своём отечестве», даже если пророк является родным отцом. Сыновья Николая

Радзивила «Чёрного», вернувшиеся после смерти отца снова в католичество, уничтожали книги, напечатанные в его типографиях, и особенно экземпляры кальвинистской Библии, а «Николай Христофор Радзивил „Сиротка“, закрывший брестскую типографию, купил на 5 тысяч „злотых“ кальвинистских книг и сжёг их посреди виленского рынка» [55].

Впрочем, в это же самое время в Москве сжигались «печатные» книги Францыска Скарыны – православные московские священники верили только рукописным источникам, а книги в Москве, после бегства беларусов-первопечатников Ивана Федорова (Федоровича) и Петра Мстиславца, были, в основном, привозные.

Очередной поворот к католицизму в Великом княжестве, после кривской унии, связан с сыном Николая Радзивила «Чёрного», с князем Николаем Кристофом Радзивиллом «Сироткой» (12.7.1549 – 28.2.1616).

«Современники высоко оценили достоинства князя и в таких словах выразили отношение к нему: ...был гордостью в бою, светом в совете; увидел и познал землю. Если бы мы двух таких имели мужей, легко бы обогнали Италию». Сейчас историки искусства сходятся на том, что Сиротка «в строительной и меценатской деятельности затмил всех своих предков и почти ничего не оставил доделывать своим потомкам» [58].

Но именно, Николаю Радзивилу «Сиротке» предстояло принять мучительное решение и, под угрозой потери всей собственности, переданной ему предками, присягнуть королю и подписать 1 июля 1569 года «Акт» Люблинской унии. Наследство было сохранено, Николай Радзивил получил звание «Маршалка надворного литовского», что позволило ему стать «сенатором», созывать и вести заседания общегосударственного «Сейма» на территории Великого княжества. «Овчинка стоила выделки» для князя – Несвиж оставался за Радзивиллами, но это было куплено ценой потери части культурных приобретений прошлого, дальнейшего отхода от старобеларуской культуры, способствовала «ополячиванию» беларуского населения, возврата в католицизм многих беларуских семейств, особенно шляхты, стремящейся делать карьеру.

Так на землях Великого княжества, как волны на море, одна религия сменяла другую, язычество было вытеснено христианством, православного или католического толка, на смену им пришло протестантское движение, в разных его версиях, потом снова католичество. Наконец, результатом этих длительных во времени колебаний стало появление новой идеи, новой религии, «народной религии», казалось, примиряющей многих – «Униатство». Но об этом позже...

Вернемся в «золотой век», тем более, что это эпохальное действо подходило неминуемо к концу, а «великим князьям» надо было еще сыграть свои исторические роли в последнем акте этой драмы.

Николай Радзивил «Сиротка» получил город Несвиж со всеми его землями от отца, Николая «Чёрного», а всё это громадное и дорогостоящее наследство перешло в свое время к Радзивиллам «по кудели» (по женской линии), как приданое княжны Анны из рода Кишек, вышедшей замуж за Яна Николая Радзивилла («Бородатого») в 1513 году.

«Несвижское княжество» стало официальным названием феодальной вотчины Радзивиллов на три столетия, Радзивиллы в эпоху расцвета владели примерно третьей частью территории Великого княжества, имели владения в Польше и Украине. В 1586 году Несвижское княжество получило статус «ординации» Радзивиллов (ординация или майорат – неделимое владение, без права продажи, наследуемое только по мужской линии). В княжество входили город Несвиж, селения Кареличи, Свержень и Мир с княжеским замком [58].

В то же время все Великое Княжество Литовское, как автономное государство, было разделено на «паветы» и «воеводства», причем было увеличено число поветов и воеводств.

«Все Великое княжество было разделено на 22 «павета», сгруппированные в 9 «воеводств», а именно: воеводство Ви-

ленское – паветы: Виленский, Ошмянский, Лидский, Вилькомирский и Браславский; воеводство Трокское – паветы: Троцкий, Городенский, Ковенский и Упитский; земля Жомойтская; воеводство Полоцкое; воеводство Новгородское – паветы: Новгородский, Слонимский и Волковыский; воеводство Витебское – паветы: Витебский и Оршанский; воеводство Берестейское – паветы: Берестейский и Пинский; воеводство Мстиславское; воеводство Минское – паветы: Минский, Мозырский и Речицкий.

Во главе каждого «Павета» стоял Город, по имени которого назывался павет. Однако не все города получили значение «паветовых» центров. Так, в Виленском воеводстве в 16 веке были еще города Икажня и Дрисвяты, в Минском – Койданов, Радошковичи, Борисов, Логойск, Свислочь, Друцк; в Новгородском – Мстибогов; в Мстиславском, которое представляло собой остатки Смоленского воеводства, был целый ряд городов, кроме Мстиславля: Дубровна, Копысь, Шклов, Могилев, Быхов, Стрешин, Любеч. Вышгород. Также много их было в Витебском повете: Сураж, Ула, Чашники, Сенно, Лепель, Стрыжев и некот. др.

В тогдашней Жмуди совсем не было городских центров и сеймик первоначально собирался в господарском дворе Упите, а затем жмудской шляхте разрешено было государем выкупить заложенное скарбом Петкевичу господарское местечко Россиены, где и отбывались с 1581 г. суды и сеймики, наряду с Поневежем, который сделался центром Упитского

повета». Несвижский майорат сохранял полную автономию, прикрытый мощью Радзивиллов [110].

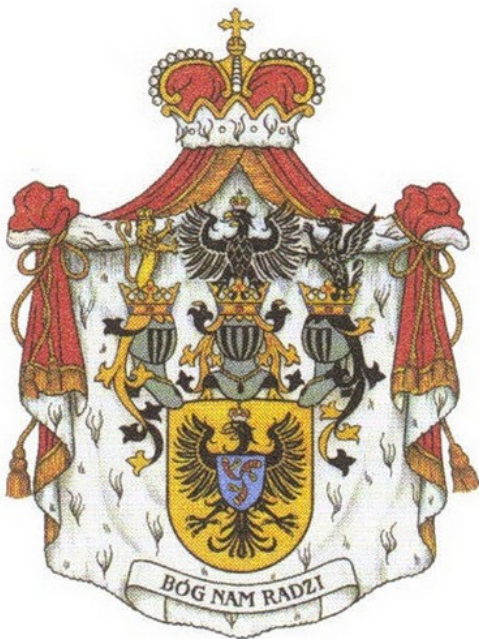
Ян Радзивил «Бородатый» (1474—1522),

Ганна Радзивилл-Кишка (? -1533)

Герб Радзивиллов (Trąby, польск. яз. «Трубы» рус. яз.),

Герб Радзивиллов в 1518 году

Герб Радзивиллов (Trąby, польск. яз. «Трубы» рус. яз.), присвоенный родоначальнику семьи, Христиану Остику в 1413 году решением гнездинского архиепископа (Mikołaj Trąbę herbu Trąby), и Герб, присвоенный Радзивиллам, вместе с титулом Князей Римской империи в 1518 году [111].

«Несвижское княжество» стало официальным названием

феодалной вотчины Радзивиллов на три столетия, Радзивиллы в эпоху расцвета владели примерно третьей частью территории Великого Княжества Литовского, имели владения в Польше и Украине. В 1586 году Несвижское княжество получило статус «ординации» Радзивиллов (ординация или майорат – неделимое владение, наследуемое только по мужской линии). В княжество входили город Несвиж, селения Кареличи, Свержень и Мир с княжеским замком [58].

Николай Кристоф Радзивил «Сиротка», окончивший в Несвиже протестантскую гимназию, основанную его отцом, уехал в Европу и продолжил свое образование в Страсбургском и Тюрингском университетах. Принимал участие в военных действиях Ливонской войны в составе Стефана Батория. Под Полоцком получил тяжелое ранение. В 1583—1584 годах путешествует по Востоку, ведя путевой дневник. После возвращения на родину занимается масштабным строительством в городе и переустройством «родового гнезда».

НЕСВИЖСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ РАДЗИВИЛЛОВ
(г. Несвиж, Беларусь, фото автора, авг. 2013)

В залах Несвижского дворца (фото автора, август 2013 года)

Именно, высокообразованному князю, Николаю Радзивиллу («Сиротке») Несвиж обязан многими архитектурными шедеврами, достопримечательностями интерьера. Для осуществления своих проектов он приглашает из Италии архитектора Дж. Берnardони. Обладая несомненным литературным даром, князь издает «Дневник» своих путешествий, описывает участие в войнах, свои впечатления об увиденном. Книга Радзивилла Николая Кристофа «Сиротки» име-

ла ошеломляющий успех. Она выдержала более 19 переизданий на польском, немецком, латинском и русском языках [59].

«Ординация» ограничивала права всех членов семьи законом. Только старший сын в семье имел право наследовать Несвижское княжество. Иные способы передачи земли (разделение, продажа и т.д.) были закондателем запрещены. Несвижская «Ординация» принадлежала Радзивиллам до 1939 года, до очередного и последнего «присоединения» земель Беларуси (западной) к России, на этот раз советской. Своя история была у других владений семьи Радзивиллов.

История Мирского замка началась еще в XV веке, на этом месте замок был заложен его предшественником князем Илиничем. В 1568 году Мирский замок, как и весь Несвиж, перешел во владение Николая Радзивилла «Сиротки», который достроил его в стиле «ренессанс». Первая половина XVII века стала расцветом Мирского замка, со второй половины начался период разрушения его. Во время войн Речи Посполитой с Московским государством, Северной войны, Отечественной войны 1812 года, замок неоднократно разоряли, строения разрушались и владельцы потеряли к нему всякий интерес, а земли вокруг замка начали сдавать в аренду [60].

Мирский замок Радзивиллов, XVI век

Мир, Гродненская обл., Беларусь (фотография из сайта <http://www.belarus.nemiga.info/mirsky-zamok.htm>)

Мирский замок после смерти его последнего владельца (1813), унаследовавшего Несвижские земли по мужской линии, Доминика Геронима Радзивилла, трижды поменял владельцев и, в конце концов, уже в Российской империи был выкуплен в 1891 году атаманом Донского войска Николаем Святополк-Мирским. Атаману очень хотелось получить

к фамилии «благородное» дополнение – «Мирский». Но это уже, как говорится, другая история, в которой есть и утопленница – дочь владельца замка София, и тайные ходы, и ночные схватки рыцарей, восставших из могил ... [60].

Вся история несвижских земель неразрывно связана с семьей Радзивилов, а судьба великих князей отражена в деталях и многочисленных преобразованиях отцовского наследства. Радзивиллы создали замечательную иллюзию «золотого века» Великого княжества, не прерванную даже вхождением ВКЛ в состав Речи Посполитой.

Результатами бурного развития всего общества Великого княжества в XVI веке мы пользуемся до сих пор.

Президент Международной ассоциации беларусистов с 1991 года, руководитель отдела культурологии Международной Академии наук Евразии (1996), Адам Мальдис, на конференции, посвященной Великому Княжеству Литовскому, заявил, что «Золотой век — это время, когда наша культура развивалась согласно общеевропейским канонам... Ренессанса и Реформации» [61].

Интерьеры Мирского замка сегодня

Винные подвалы Мирского замка

(фото из сайта <http://www.belarus.nemiga.info/mirsky-zamok.htm>)

Реформация дала Литве-Беларуси дополнительный импульс развитию книжного дела, способствовала повсеместному расширению образовательного процесса, обогатила строительство и архитектуру.

Первая брестская протестантская церковь, основанная в 1553 году, имела собственную типографию, печатавшую как религиозные, так и светские книги. При церкви была открыта начальная школа, где молодые люди учились чтению

и письму, а также основам веры.

Близ Бреста, у села Домачёво обосновались две голландские колонии, образовавшие в 1564 году протестантские общины. Известно, что одну из минских протестантских общин в 1596 году организовал речицкий староста князь Ярош Жижемский, подарив ей дом с земельным участком. Сестра Жижемского, Милослава, была замужем за кальвинистским теологом и писателем Андреем Воланом.

Сын Сигизмунда I король и Великий князь Литовский Сигизмунд II Август стал покровительствовать протестантам. Воспитывавшийся при дворе матери королевы Боны Сфорца, он подружился с духовником матери Франческо Лисманини, тайным приверженцем Реформации. Будущий король знакомился с сочинениями деятелей Реформации, даже отправлял Лисманини в Швейцарию покупать книги.

Кальвинистский «збор» (собор) около Минска

Этот храм находится в деревне Кухтичи на Минщине, он был возведён в 1560-1570-е гг. Позже преобразован в костёл, при советской власти стал котельной для совхоза. Теперь он включён ЮНЕСКО в каталог «Памятников мира», которым грозит разрушение. Сохранились в той или иной степени «зборы» (протестантские храмы) в Сморгони и в некогда радзивилловском, Койданове (Дзержинск).

Великий просветитель, писатель и философ, Симон Будный с 1560 года был кальвинистским проповедником в Клецке, выпустил на старобеларуском языке «Катехизис», «Новый завет» с комментариями, трактат «О светской власти» (1583), за который был исключён из братской общины. Тщательно изучив библейские тексты, Будный категорически возражал гуманистам-радикалам, предлагавшим идею всеобщего равенства, богатым раздать свои богатства и пр. «Если богатые исчезнут, – говорил Будный, – кто же тогда станет помогать бедным?»

Будный считал частную собственность основой всего, она по Будному должна быть и у князя, и у крестьянина. Церковные земли должны принадлежать и членам этой церковной общины. Идеям радикалов об уничтожении государственной власти и всех государственных учреждений Будный противопоставлял библейский тезис о божественном происхож-

дении власти, другое дело, что не все используют власть на благо общества. Монархия должна быть просвещённой, правитель должен заботиться не только о себе, но и о бедных людях, однако не поощряя в них лень и праздность. Подданные же обязаны молиться во здравие правителей, не бунтовать и исправно платить подати. (Протестантизм в Великом княжестве Литовском, «Википедия»).

Войны Будный делил на справедливые (оборонительные) и несправедливые.

В книге «О главнейших положениях христианской веры» (1576) произвольно трактуя слова евангелистов, на основании подобранных 26 цитат пытался доказать, что Иисус Христос Богом не был, а Богом является Бог-отец; Святой Дух есть сила божеская. Такие утверждения противоречили основным догматам христианской церкви, и в глазах собратьев Будного являлись ересью, хотя Будный здесь выступал, полемизируя с приверженцами диетизма (двухбожья) Петром из Гонёндза и Станиславом Фарновским [62].

«Реформационная оппозиция православию в восточнославянских землях Речи Посполитой не была однородной. Наряду с течениями, типологически близкими лютеранству и кальвинизму, в ней большую роль сыграло антитринитарское направление. По своей социальной сущности идейная оппозиция православной церкви была явлением глубоко прогрессивным. В религиозной форме она выражала соци-

альный протест широких демократических слоев православного населения Речи Посполитой против официальной феодальной идеологии, выразителем и пропагандистом которой была православная церковь со своей многочисленной армией белого и черного духовенства. Этот идейный протест выражался не только социально-политическими идеями и требованиями, но и всем составом реформационно-религиозной идеологии, которая, отрицая учение официальной церкви, окружившей „феодальный строй ореолом божественной благодати“, отрицала тем самым идеологию и культуру господствующего класса» [62].

В Новогрудском воеводстве проживало более 600 «шляхетских» (дворянских) фамилий; в православии остались только 16, остальные стали кальвинистами. К 1563 году в Великом Княжестве Литовском было 195 православных храмов и около 50 монастырей. Католиков же к 1563 год оставалось всего около тысячи. В Жмудской епархии, например, из 700 костёлов католическими остались только 6. В кальвинизм перешли даже два иерарха католической церкви — епископ жемайтский Ян Пяткевич и епископ киевского диоцеза Николай Пац, оба «литвины-беларусы». Кальвинизм становился доминирующей религией в княжестве. В 1565 году кальвинисты королевским «Виленским привилеем» были уравнены в правах с католиками и православными [25].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.